

ИСТОРИЯ ОДНОГО ОТКРЫТИЯ

ТОЛЬТЕКСКОЕ
ИСКУССТВО
ЖИЗНИ
И СМЕРТИ

ДОН МИГЕЛЬ РУИС
БАРБАРА ЭМРИС

Дон Мигель Руис

**Тольтекское искусство
жизни и смерти: история
одного открытия**

«Азбука-Аттикус»

2015

УДК 821.111
ББК 84(7Мек)-44

Руис Д.

Тольтекское искусство жизни и смерти: история одного открытия / Д. Руис — «Азбука-Аттикус», 2015

ISBN 978-5-389-12815-6

«Тольтекское искусство жизни и смерти» – автобиография всемирно известного духовного учителя Дона Мигеля Руиса, автора бестселлеров «Четыре соглашения», «Искусство любви» и многих других. Дон Мигель Руис – Тольтекский Мастер, помогающий людям по всему миру избавиться от психологических и душевных проблем и стать собой. Его автобиография – захватывающее путешествие длиной в жизнь, где воедино слились мистические откровения и трагические события, в центре которых Великое Откровение, посетившее Дона Мигеля Руиса во время девятидневной комы. Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(7Мек)-44

ISBN 978-5-389-12815-6

© Руис Д., 2015
© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

Предисловие	6
Глоссарий	8
Действующие лица	10
Пролог	11
1	13
2	23
3	30
4	38
5	46
6	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Дон Мигель Руис, Барбара Эмрис Тольтекское искусство жизни и смерти: история одного открытия

С искренней любовью и благодарностью посвящаю эту книгу прекрасной молодой женщине, покинувшей физическое тело в октябре 2010 г. и оставившей мне для трансплантации свое сердце. Великодушие, проявленное ею и ее родными, позволило мне побывать в разных частях света и обратиться к множеству людей с посланием любви, радости и веры в их прозрение. Ее заслуга и в том, что мне с Барбарой Эмрис удалось написать эту книгу.

Моя глубочайшая признательность – всему персоналу клиники, по сей день оказывающему мне медицинскую помощь после инфаркта и последующей пересадки сердца.

Посвящаю эту удивительную историю и моим сыновьям, невесткам – всем близким, которых я так люблю. То же самое хочу сказать и моим читателям, ведь все последние пятнадцать лет их растущая осознанность вдохновляет меня на поиск новых, увлекательных форм для моего послания. Я точно знаю, что благодаря их любви к Его мудрости мир стал лучше.

Предисловие

Эта книга – рассказ о событиях моей жизни. В отличие от моих предыдущих произведений, здесь сливаются мудрость, извлеченная из учения тольтеков, и сила воображения. Это повествование о мистическом видении, посетившем меня несколько лет назад, когда после инфаркта я девять недель пролежал в искусственной коме.

Говорят, когда человек умирает, перед его внутренним взором проносится вся его жизнь. Что-то похожее произошло со мной в то время, когда мое тело отчаянно боролось за жизнь, а ум расширялся, стремясь к бесконечности.

Можно сказать, что в те долгие недели перед моим мысленным взором предстало мое наследие. Человек оставляет после себя в наследство весь опыт своей жизни. Это сумма всех наших действий и реакций, переживаний и чувств. Вот что, покидая физическое тело, мы передаем тем, кто остается после нас. Наследие – это мы целиком, во всей полноте. Память других людей о нас определяет наше наследие – и чем мы аутентичнее, то есть подлиннее, тем ярче будет это наследие.

Моим побуждением было написать эту книгу в дар сыновьям, ученикам и всем, чья любовь помогла мне вернуться к жизни. Моим детям, семье, друзьям и возлюбленным я передаю свои воспоминания вместе с беззаветной любовью. Я делюсь опытом своей жизни с теми, кто готов учиться на моей истории. Моя непреходящая любовь к миру – дар нашей прекрасной планете. Подлинность моего прозрения – мой дар человечеству.

Наша жизнь наяву и наши видения во сне – это произведения искусства. Эта книга представляет собой рассказ в художественной форме о том, что действительно происходило между мной и моей матерью доньей Саритой, которую почитают в Сан-Диего как целительницу и которая многие годы была моим учителем и наставницей. С 28 февраля 2002 года, когда у меня случился инфаркт, она делала все, что только было в ее силах, чтобы спасти мое тело от смерти. Призвав всю силу своей веры, она собрала своих детей и учеников, чтобы провести для меня специальные ритуалы. День и ночь она без устали билась над тем, чтобы я пришел в себя и начал выздоравливать. Она твердо вознамерилась вернуть меня в тело, а тело – к жизни. Много раз она погружалась в состояние транса, или глубокой медитации, с намерением войти в мое сновидение и настоять на том, чтобы я отверг смерть.

Эти путешествия в мое сновидение и стали основой для книги. Встретив во сне мать, я отправляю ее разговаривать с главным героем моего рассказа – моими собственными знаниями. В этой фантазии знания изображены в виде таинственного создания по имени Лала. Ее можно назвать воплощением всего, во что я верю, и всего, что облекает мою историю в форму, – так же как ваши знания помогают вам создавать историю вашей жизни.

Многие удивительные действующие лица привносят энергию и жизнь в это повествование. Все они – мои отражения, и каждое из них своим, уникальным способом помогает мне исцеляться. Хотя имена некоторых из них и их отношения со мной вымышленны, за всеми персонажами стоят мои реальные друзья, ученики и родные. Кто-то уже умер, а другие живы и смеются вместе со мной, но все они сделали мой мир богаче. Я очень люблю их всех, и моя благодарность за ту роль, которую они сыграли в моей жизни и выздоровлении, безгранична.

На первый взгляд, у нас – у вас и у меня – очень разный опыт. Ваш главный герой не такой, как у меня, и второстепенные действующие лица, возможно, не похожи на персонажей моей истории. Но хотя мы вроде бы отличаемся друг от друга, вы – как и я – важная часть видения человечества. Вы, как и я, искали истину с помощью символов. Вы – это знания, которые стремятся спастись, как стремился к этому я. Вы – ваш собственный спаситель, вы – чистый потенциал в действии. Ваша истина – в Боге, и истина освободит вас.

Пусть эта книга поможет вам понять все это. Слушайте, смотрите, дерзайте менять свой мир – мир, созданный мыслями и автоматическими реакциями. Позвольте событиям моей жизни озарить новыми прозрениями ваше видение и те вызовы, которые оно бросает вам сейчас. Хороший ученик извлекает максимальную пользу из любой попадающей в его распоряжение информации, а, как показывает моя история, жизнь предоставляет нам всю необходимую информацию.

С искренней любовью и уважением,

Мигель Анхель Руис.

Глоссарий

Ад – история в нашем уме, приводящая к несчастью.

Бог – вечная высшая сила; единственное, что в действительности существует.

Вера – убежденность в чем-либо на сто процентов, без всяких сомнений.

Видение – отражение разумом нашего восприятия.

Видение планеты – коллективная реальность человеческого рода.

Диос/диоса (Dios/Diosa – исп.) – бог/богиня.

Дон/донья/сеньора (Don/Doña/señora) – уважительные формы обращения в испанском языке (аналогичные обращению «господин/госпожа»).

Душа – сила жизни, связывающая воедино вселенную (материю); например, вселенную человеческого тела. Каждый компонент признает себя частью этой вселенной.

Жизнь – созидательная сила Бога, или энергия, проявляющая материю.

Зло – результат веры в ложь. Действие зла усиливается в зависимости от степени обмана и фанатизма.

Знания – соглашения между людьми относительно природы реальности. Знания передаются с помощью символов (слов, чисел, фраз, формул).

Истина – то, что реально; синоним слов «Бог» и «энергия». Истина существовала задолго до появления человечества и продолжит существовать после его исчезновения.

История – толкование видения.

Ложь – искажение истины в уме человека.

Любовь – аспект энергии, который проявляется как совокупность всех вибраций, движущая материю и записывающая информацию на материю. Материя воспринимает и отражает ее, отвечая всем диапазоном эмоций.

Магия – творческий аспект энергии.

Материя – конечное проявление бесконечной жизни.

Митоте – непрекращающийся разговор у нас в голове, напоминающий одновременную беседу тысячи человек, ни один из которых не слушает других.

Мудрость – способность правильно действовать в ответ на любое событие; здравый смысл.

Нагуаль – 1) слово языка науатль, обозначающее силу, приводящую в движение материю; 2) человек, знающий, что он является силой, приводящей в движение материю; бессмертный.

Намерение – послание энергии, которое задает направление свету, создавая материю или разрушая ее. Намерение движется в центре света, вокруг него вращаются кванты. Намерение – это сама жизнь.

Науатль – язык ацтеков.

Небеса, рай – история в нашем уме, приводящая к счастью.

Осознанность – способность видеть все таким, какое оно есть в реальности.

Свет – вестник жизни и ее первое проявление.

Сила – созидательный потенциал.

Смерть – материя; отсутствие жизни.

Смотрящий – тот, кто знает, что он всегда находится в состоянии видения.

Теотиуакан – древний мексиканский город, процветавший с 200 г. до н. э. по 500 г. н. э. Его храмы и пирамиды, найденные при раскопках, находятся приблизительно в тридцати милях к северо-востоку от Мехико.

Тольтек – слово языка науатль, означающее «художник».

Тональ – материя.

Ум, разум – виртуальная реальность, создаваемая отражением (в мозгу) всего, что воспринимает мозг.

Шаман – знахарь в культурных традициях самых разных народов.

Энергия – вечная высшая сила; единственное, что в действительности существует.

Действующие лица

Дон Мигель Руис – главное действующее лицо этого повествования

Мать Сарита – мать и учитель дона Мигеля

Лала – знания

Хосе Луис – отец дона Мигеля и муж Сариты

Дон Леонардо – дед дона Мигеля и отец Сариты

Дон Эсикио – прадед дона Мигеля и отец дона Леонардо

Гандара – друг дона Эсикио

Мемин – старший из братьев дона Мигеля

Хайме – ближайший по возрасту брат дона Мигеля

Мария – жена дона Мигеля и мать его детей

Дхара – ученица и возлюбленная дона Мигеля

Эмма – ученица и возлюбленная дона Мигеля

Мигель младший (Майк, Мигелито) – старший сын дона Мигеля

Хосе – второй сын дона Мигеля

Лео – младший сын дона Мигеля

Пролог

Я дергаю за простыни, они плотно охватывают мои лодыжки. Тянусь за телефонной трубкой, вслепую набираю номер, кто-то говорит со мной. Женщина спрашивает меня, кто я, где нахожусь. Вряд ли мне удастся вспомнить ответ на какой-либо из этих вопросов, прежде чем дар речи покинет меня на целую вечность. Я пытаюсь сесть, но, качнувшись под спутавшимися простынями, валяюсь на пол. Боль милосердно покидает меня, но лишь для того, чтобы вернуться безжалостными ножевыми ударами. Я слышу, как меня зовет мать, выкрикивает мое имя. Сознание ускользает сквозь поднимающийся и исчезающий разнобой звуков, незнакомые голоса, вой сирен. Впереди доброе прощание – старое видение начинает сменяться новым, но сейчас я различаю только женские рыдания вдалеке.

Как много этих женщин! Они оплакивают сына, любовника, отца, наставника. Они плачут обо мне, о себе, о так и не данных обетах. Как все люди, плачут они об очищении слова. Их плач – о любви, падшем ангеле, всего-то им нужно – смотреть, слушать, чувствовать, с какой силой она звучит пульсирующей музыкой в их собственных дивных телах.

Сегодня я проснулся перед рассветом – меня позвала смерть. Как мои ацтекские предки, я приветствую ее с благодарностью воина, который отлично сражался и хочет благополучно добраться до дому – и хорошо отдохнуть. Над далеким горизонтом занимается заря. От этого мне становится чуть теплее. Я поднимаю глаза и вижу: мгла рассеивается, открывая звездный пожар. И я знаю, что скоро увижу дорогу домой, прочь из этой темной ночи. Мои враги, что были здесь, разбежались, их победила любовь. Они жестоко дрались в лабиринтах человеческого разума, на этом величественном поле боя. За мной придут другие в жажде поднять мечи и сокрушить несметное войско лжи, но для Мигеля Руиса война окончена.

Минутой раньше во сне мне явился другой воин, юноша из древних времен. Он стоял на одном из холмов у подножья священной горы и смотрел на свою любимую долину. Его едва освещал бледный свет звезд. Перед ним раскинулось озеро, окружавшее и защищавшее Теночтитлан¹, родину его и моего народа. В этом видении великая долина была окутана туманом. Один за другим тускло замерцали предрассветные огни – его селение просыпалось. Сердце юноши громко билось, как оно бьется сейчас у меня. Ноздри его чутко вдыхали ночной воздух; ветер, меняя направление, щекотал кожу. Осторожно опустившись на одно колено, он высоко поднял лук. Пальцы его правой руки касались перьев стрелы, благословленной дымом священного огня. Он не подведет свой народ, когда нападет враг. Не подведет свою семью, не обесчестит память древнего народа тольтеков. Не подведет он и себя самого.

Время было самое опасное – тот час, когда утро еще не успело придумать, каким ему быть, и в предрассветной тьме добро боролось со злом. Молодой воин моргнул раз, другой, и рука его обрела твердость. Я разделял его видение, – казалось, я чувствовал, как камешки перекатываются под подошвой его сандалии, впиваются в плоть колена. Я чувствовал, как туман хватает воина за лодыжки, обволакивая холодом его голые руки и бедра, лижет его затылок и раскрашенный лоб. Вместе мы взглянули на небо. Мир, простиравшийся над ним, – строй звезд на поле тайны – отражал его безупречную фигуру. Он понял это, прошептал молитву и успокоил дыхание. Тело его расслабилось. Он перевел взгляд на лежащую внизу долину, туман над которой начал расходиться. Воды озера его предков изгибались между темными холмами, как пальцы богини, украшенные драгоценными камнями. Он упер конец лука в землю. Орлиное перо в его волосах грациозно покачивалось на поднима-

---

¹ Теночтитлан – ацтекский альтепетль (город-государство), находившийся на месте современного города Мехико. Был основан примерно в 1325 г. на острове посреди соленого озера Тескоко, в 1521 г. был разрушен испанскими конкистадорами, возглавляемыми Эрнаном Кортесом. – *Здесь и далее примеч. перев.*

ющемся ветру. Спину он держал прямо, живот был расслаблен. В преддверии восхода его смуглая кожа отливала сверкающей бронзой.

Сейчас его соплеменники должны быть ему благодарны. Он представил себе, как кто-то из них выглядывает из дверных проемов, чувствуя, что за туманом притаилась угроза. Он посмотрел на селение, омываемое озером, и как будто почувствовал на себе пристальный взгляд отца, наблюдавшего, как тихо, в одиночку припал на колено храбрый солдат, которому дает свою силу огненная гора. Отец гордится им, как и все предки. Многое почувствовал он в тот момент пустоты между началом и концом всего. Скоро над восточной кромкой гор вспыхнет свет, а за ним встанет с громким кличем судьба. Его ждут новые победы. За нынешней неизвестностью вынашиваются новые откровения. Ощущая дыхание предков на щеке и прохладное прикосновение их рук к спине, воин снова успокоился. Одна сандалия погрузилась в камни, взгляд устремился вдоль древка боевой стрелы. Ну что ж, он готов...

И сейчас, вырванный пронзительной болью из сна, я понимаю, что пришло время мне присоединиться к воинам древности. Как я когда-то охотился за истиной, так вечность настигла теперь меня. На востоке вдоль горного кряжа разливается рассвет, вслед за ним скачет на коне судьба. На моей щеке – дыхание предков, их прохладные руки касаются моей спины. Я с приветственной улыбкой жду встречи со смертью. Что ж, теперь готов и я.

1

Старая женщина что-то бормотала на ходу. Ей трудно было передвигать ноги по сухой, растрескавшейся земле. Тапочки царапали грунт, вздымая в кольшующийся воздух шелковые облачка пыли. В одной руке она несла большую сумку, а другой придерживала накинутую на плечи шаль. Ее усталые шаги были здесь единственным звуком, медленным, тяжелым – и непоколебимым. Она все шла и шла. Никакой различимой дороги или тропы не было, но она и не нужна была ей. Она знала, куда идет, ступая по следу чего-то невидимого, но несомненно существующего для нее. Ее вел инстинкт матери, которая ищет своего сына.

Уже несколько недель ее изводил знобящий страх, какой бывает у матери, когда ее дитя может умереть. Где-то в том мире, который она только что покинула, уходил ее тринадцатый ребенок – уходил не из виду, ибо она знала, что он, безмолвный и бледный, лежит на больничной койке. Он медленно, но верно ускользал от ее чувств. Она больше не улавливала его жизненного потока. Она больше не могла разговаривать с ним без слов, как разговаривала почти пятьдесят лет. Вместе с жизненной силой слабели и его связи с миром мысли и материи. Она знала: времени остается совсем немного. У него отказывает сердце, тело его умирает, врачи почти опустили руки. Что еще оставалось ей, кроме как отправиться в это место, где нет времени и куда ушла его сущность, и попытаться разыскать его? Она найдет своего младшего, душу ее души, и приведет домой.

Кроме ее хрупкой фигурки, ничего живого не было в этой протянувшейся от горизонта до горизонта песчано-скалистой пустыне. Все здесь было бесцветно, кроме синевато-серых волнистых облаков, бесшумной толпой плывших над ее головой. Бездонные небеса через неравные промежутки времени прожигала молния, ослепляя ее... Но то была гроза из снов. Ее создали чувство и чудо – ни то ни другое не остановит ее.

Сарита продолжала свой путь. Ее дыхание эхом отдавалось в тишине. Пульс у нее участился, а грудь вздымалась, как будто она и впрямь с трудом брела по пустыне. Возможно, так и было. Никогда еще не приходилось ей предпринимать такое путешествие. Неизвестно, что ее ждет, какую цену придется заплатить ее телу. Она шла и старалась успокоиться. Страху не одолеть ее. Да, она стара. Но, хоть она и отпраздновала недавно свой девяносто второй день рождения, не пришло еще время ей покидать мир материи и смыслов. А значит, и ему еще рано. Нельзя ее сыну умирать, пока у нее есть силы бороться за него. Она остановилась, чтобы перевести дух, и позволила улыбке смыть с лица напряжение. Да, у нее есть силы. В этом странном пространстве между этим миром и тем ее любовь восторгается. Ободренная, она поставила сумку на землю и расправила плечи, завязав концы шали на шею плотным узлом. На ней была ночная рубашка из тонкого хлопка, легко пропускавшая безветренный холод, было зябко. Но это не важно. Дороги назад уже нет. Пусть ее чувства не узнают его – сердце узнает. Еще раз оглядевшись, она подняла тяжелую сумку другой рукой и решительно побрела дальше.

Это была нейлоновая хозяйственная сумка – с такой она ходила на рынок прохладными ранними утрами в Гвадалахаре, перед самым рождением ее младшего сына. Снаружи ее украшало яркое цветное изображение Девы Марии, а внутри лежало множество предметов, освященных ее молитвами и намерением. Она слегка встряхнула сумку, как бы утверждаясь в своей миссии, и вспомнила те давние дни перед появлением на свет ее тринадцатого ребенка, когда вся жизнь, казалось, подбадривала ее. Славное это было время: ей было сорок три года, она была все еще хороша собой, замужем за молодым красавцем, которому уже подарила трех сыновей. Он женился на ней, едва закончив учебу, – его не остановил ни ее возраст, ни девять детей от предыдущего брака. Он пошел наперекор своей семье. Погова-

ривали, что она его приворожила. Всегда ведь найдутся такие, кто никому не верит. Пожились они по любви, чистой и простой. В любви родились у них и четыре здоровых сына.

Старая женщина замедлила шаг и остановилась. Гроза все еще сверкала молниями и неистовствовала, но больше не было этой зловещей тишины. Теперь, кроме приглушенного звука собственного дыхания, она слышала что-то еще. Вдалеке вместо грома с нарастающей силой штормового ветра звучала музыка. Он где-то рядом, чувствовала она. Она постояла, прислушиваясь, и вдруг поняла – да это же знакомая песня несется от горизонта навстречу ярости неба! Вот что это за музыка! Как давно это было. Как раз такую мальчишкой пел ее сын, водя пальчиками по струнам воображаемой гитары, выпевая бессмысленные слоги и всем телом трясаясь в ритм, в подражание старшим братьям. Как же он называл этот грохот, как?.. Ах, вот!

«Это рок-н-ролл, мама, музыка жизни!» – крикнул он ей тогда.

Да, даже сейчас у него в голове крутится рок-н-ролл. Именно эти звуки мчались с ударами молнии в чернеющем небе, мощным ветром развевая ее седые волосы, хотя вокруг все было спокойно. Чувства не подвели ее. Она слышала теперь, как работает его сознание, как гулко отзывается радостью его большое, вечное сердце. Он где-то близко.

Снова поставив сумку на землю, она плотнее укуталась в свою вязаную шаль. Она была одета ко сну, в то, что было на ней, когда все явились в дом для участия в ритуале. Дальним уголком сознания она слышала и этих гостей – своих детей, внуков, учеников, друзей. Они собрались по ее просьбе, ведь не было ни одного случая, чтобы кто-то из детей или внуков, учеников или помощников отказал матери Сарите. Они смиренно пришли с погремушками из бутылочных тыкв, барабанами, свечами и горячей полынью, пришли, чтобы петь, молиться, просить. Они пришли, чтобы вернуть его, тринадцатого сына женщины, от которой не отмахнешься. Они пришли, как пришли бы их предки, чтобы совершить то, что положено воинам духа.

Этой ночью, когда столь многое стояло на кону, Сарита была перенесена из круга верных, собравшихся в ее гостиной, в мир, который существовал только в воображении. Она вторглась в сознание другого человека. Да, за это придется однажды заплатить, но сейчас ей нужно идти дальше. Нужно без всяких оправданий войти в сновидение сына, чтобы вернуть его, – если понадобится, тащить за ухо, как напроказившего. Ей ведь такое с ним не впервой.

Она покачала головой, вспоминая его мальчиком: как озорно смеются его черные глаза, с какой любовью его ручки тянутся к ее лицу, когда она устала или когда ее охватила грусть. Ничто, даже сама смерть, не разлучит ее с ним. Он всегда будет ей нужен, и никакой логике – пусть даже он сам будет спорить – ее не переубедить. За свои девяносто два года Сарита познала все радости и муки тринадцатикратного материнства. Она уже пережила смерть двоих детей. Уходили мужа, сестры, братья, но в ней еще достаточно жизни, чтобы в последний раз побороться за того, кого она любит. Она снова взяла сумку, стряхнула с образа Гваделупской Девы Марии толику неосязаемой пыли и стала вглядываться в окружавший ее пейзаж. Она потянула ноздрями воздух в поисках еще какого-нибудь знака и, поколебавшись, обернулась. Что-то, пока еще невидимое, привлекло ее внимание. Нужно идти в другую сторону, следовать внутреннему чутью – и музыке.

А музыка с каждым ее шагом, так нелегко дававшимся ей, становилась все громче. Казалось, вибрации идут одновременно из земли и с неба, пульсируя под громкими ударами – может быть, под бой барабанов в ее гостиной. Она безмолвно поблагодарила Бога за послушных детей и двинулась дальше, тяжело ступая сквозь густую пелену светящейся пыли. За близким горизонтом, над кромкой этого пустующего сна поднималась сиявшая живым светом Земля. Сарита затаила дыхание. В темнеющем грозовом небе, сквозь мерцающий жар что-то вырисовывалось на ярком фоне Земли. Вдали проступали очертания дерева! Его массивные ветви поднимались и опускались будто в чувственном блаженстве,

отчего зеленые листья подрагивали и блестели. Сарита изумилась: откуда в этой бескрайней скудной земле могло взяться нечто столь мощное и плодоносящее?

«Мигель...» – прошептала она. Если сон цветной и живой, в нем обязательно появится сын. Он сам говорил: где он – там всегда весело. А тут так и было. Тут было что-то волшебное. Где бы он ни оказался, там был праздник, – это она точно знала. Она пошла к дереву, музыка звучала все громче. Может быть, прошла целая жизнь, может быть, всего минута, а может, не прошло и секунды. Она лишь чувствовала, что сердце ее бьется в такт веселой мелодии. Сколько бы времени ни минуло, должно быть, она преодолела большое расстояние: перед ней могучее, необхватное, изящное дерево, уходящее ввысь и вширь. Ветви его раскинулись во все стороны, словно оно готово было крепко, по-братски обнять всю вселенную. Сарита помедлила у корней, выступавших из пыльной звездной почвы, и устремила взгляд вверх – оттуда свисала целая галактика плодов, поблескивавших в неземном свете. Глядя на них в изумлении, она вдруг увидела того, кого искала. На самой нижней ветке исполинского дерева, едва заметный среди танцующих теней и тысячи переливающихся листьев, сидел ее сын.

Мигель Руис мирно грыз яблоко, прислонившись к стволу дерева. На нем был больничный халат. Он увидел мать, лицо его просветлело, и он радостно замахал ей рукой, приглашая подойти поближе. Она медленно пошла к дереву, осторожно пробираясь через гигантский лабиринт переплетенных корней, и наконец оказалась у ветки, на которой примостился он. Вдруг ветвь резко опустилась вниз и остановилась над самой землей. Теперь они смотрели прямо в глаза друг другу.

– Сарита! – воскликнул он, отирая губы кончиком большого пальца. – Ты со мной! Как хорошо!

Не успела она и слова сказать, как он всем телом повернулся в сторону фантастического горизонта.

– *Mamá*², ты видишь то, что вижу я?

Мигель восторженно показал на Землю с ее изумительной гаммой цветов. Сарита заметила, как из-под халата на мгновение показался голый зад ее сына. Ей вдруг захотелось сию же минуту отшлепать его, пусть он и давно уже взрослый дядька. Но ему не терпелось показать ей Землю.

– Сарита, смотри!

Ей видна была планета, парившая за изогнутыми ветвями огромного дерева. Ярко и ясно светила она в полночном небе, медленно вращаясь на краю видения, в которое их занесло.

– *La Tierra*³, – со вздохом произнесла она. – Наш с тобой дом. Хватит уже дурить.

– Видишь их? – нетерпеливо спросил Мигель. – Сколько огоньков движется.

Нахмурившись, мать снова стала всматриваться сквозь ветви. Не такой она помнила Землю. Планета неторопливо поворачивалась, на ней ярко горели волны света, время от времени отделяясь и исчезая в космосе. В отдельных местах огни были ярче, чем на остальной поверхности. А это что? Некоторые из них неслись вокруг всего земного шара. Поднимались и рассеивались маленькие искорки, и в то же время все новые волны света падали на Землю, как текущие сновидения.

– Да! Это видения! – воскликнул ее сын, как будто прочитал ее мысли. – Видения тех людей, что меняют человечество. Маленькие, побольше – и великие, вечные. Видения, которые начинаются и заканчиваются, живут, а потом умирают.

---

² Мама (*исп.*).

³ Земля (*исп.*).

– Если они умирают, то куда уходят? – спросила она, озадаченная зрелищем загорающего и гаснущего света – он был похож на подпрыгивающие звуковые волны на дисплее стереосистемы ее внука. – А где они начинаются?

– В мироздании – в него же и возвращаются! – сказал он, смеясь, и откусил от яблока. – Вон тот, яркий, видишь? – в восхищении спросил он. – Бесподобный! Похож на Джорджа, его послание люди еще помнят. Какое доброе и нежное видение... Видишь?

– Джорджа? А, да. Ученик твой. Низенький такой?

– Нет, Сарита, он из Битлов. И намного выше меня.

Точно. Она вспомнила. «Битлз». Это на звуки их музыки она шла сюда. Она только сейчас едва успела прийти в себя от этой долбежки в голове.

– Сарита, ты видишь мое видение? – прокричал Мигель. – Вон там! Смотри, как светится! И вон, глянь! Это нити от него движутся, ярче становятся... И тут, и там! А вот – золотисто-желтые, нет, цвета червонного золота, вон там. Постой!

Сарита выпустила из рук сумку и схватила его за плечо. Мигель развернулся и посмотрел на нее. Лицо его продолжало светиться радостью.

– Да, твое послание живет, все больше людей привлекает, – сказала она. – Вон оно. Мы видим его.

– Потрясающе, правда?

Мигель наконец прекратил грызть яблоко и бросил его в сторону. Едва оторвавшись от его руки, оно немедленно исчезло. Он хотел было внимательнее понаблюдать за образом видений человечества, но слова матери, произнесенные строгим, мрачным тоном, смутили его.

– Чтобы это видение жило и дальше, нам нужен Мигель. Сейчас ты вернешься ко мне. Тебе еще рано умирать. – Мигель припомнить не мог, когда в последний раз его мать говорила с таким напором.

– Я уже умер, – улыбаясь, ответил ее тринадцатый ребенок.

– Ты не умер. Тебя лечат врачи. Мы молимся за тебя. Предки изо всех сил стараются ради тебя.

Мигель скорчил гримасу, изображая отчаяние, но в глазах его оставался все тот же блеск.

– *Madre*⁴, только не нужно предков, ладно?

– Твое сердце исцелено, *m'ijo*⁵. Тебе нужно только собраться с духом и вернуться к нам. Возвращайся!

– Сарита, это сердце уже никому не вылечить. У меня отказали легкие, а телу моему там без меня постепенно приходит конец. – Он с любовью посмотрел на нее. – Я ведь сам врач, не забывай.

– Но ты еще и трус! Возвращайся, тебе нужно закончить то, что ты начал!

– Ты же знаешь: все, что мог, я уже отдал.

– Ты в этом уверен?

– Ой, дай-ка я расскажу тебе, что мне приснилось перед тем, как я попал сюда.

– Мигель!

– Я был одним из воинов, которые охраняли Теночтитлан и священное озеро. Я был тем воином – ну, конечно, не был, но в каком-то смысле я остаюсь им. Я понимал, чего требует тот страшный миг, и полностью отдался судьбе, а потом вдруг все превратилось в звездный свет и космос.

---

⁴ Мать, мама (*исп.*).

⁵ Сын (сын). (*исп.*).

– Хватит, Мигель! Твой мир – это не только звездный свет и космос. У тебя есть дом и те, кто тебя любит. Вдобавок у тебя есть я. Ты мой сын, и ты должен вернуться ко мне.

– Все – звездный свет и космос: и этот мир, и тот, эта мать и этот сын.

– Ты не звездный свет и космос, ты...

– Как раз это я и есть! Смотри-ка!

И он вдруг исчез среди мерцающих светил, плясавших у нее перед глазами. Остались только звезды и пространство между ними.

– Вернись! – крикнула она.

– Никак, – смеясь, ответил он, и она снова увидела его на дереве, которое как будто появлялось и исчезало.

Теперь он оседлал другую ветвь, болтал голыми ногами и махал ей рукой.

– *Mamá*, оставайся со мной.

Страх матери взорвался яростью, и в то же мгновение Мигель увидел перед собой совсем другого человека. Вместо немощной старушки, которая пришла к нему, закутавшись в шаль и дрожа от холода, в полуденных солнечных лучах вечного настоящего стояла молодая красивая женщина – на ней не было ничего, кроме шали, ниспадавшей с прекрасных груди и плеч. Она грозно смотрела на него, волосы ее развевались на ветру, поднявшемся от ее гнева. Ее омывал неистовый свет, лизавший ей волосы и кожу, как пламя из пасти дракона.

– Ты мой! – гневалась она. – Как смеешь ты уходить? Как ты посмел?

– Я не ушел от тебя, любовь моя, – ласково ответил он, с огромным интересом глядя на нее. – Но сон Мигеля подошел к концу. Игра окончена.

– Ничего не окончено! Ничего не кончилось! – воскликнула она. – Ты можешь сделать гораздо больше, чем сделал, – и сделаешь! – Она снова обратила гневный взгляд в сторону планеты и показала на сверкающие огни. – Ты будешь спокойно смотреть, как гаснет твое видение – вон там, прямо у тебя на глазах?

Мигелю был знаком этот голос. Он ответил с улыбкой:

– Это бесполезно, любовь моя. Мой путь бесконечен, но моему бедному телу и одной мили больше не осилить.

– Тело тебя послушается. Так ведь всегда бывало! Возвращайся отсюда ко мне... к нам!

Издали доносилось пение его родных – братьев и сыновей, их жен и детей. Они стояли там в кругу и звали его обратно, в физический мир. Он знал: они ведь и правда хотят помочь ему, они исполняют волю его матери.

– Не могу, – только и сказал он.

– Ты же мой! – закричала она.

– Я никогда не был твоим.

Мигель смотрел в глаза своей возлюбленной и видел ее красоту, ее горечь, ее достоинство. Он слышал мольбы матери, но доходил до него лишь отчаянный вопль этой женщины, которую разными именами называли на протяжении человеческой истории. Она олицетворяла все человечество, живое чудо, пойманное в ловушку собственного заклинания. Это она забыла о том, что такое рай. Это от нее померк чистейший свет. Глядя на нее, он вспоминал несчетное число тех, что говорили о своей любви к нему и ополчались при этом на самих себя.

Он протянул к ней руку, голос его смягчился.

– Твое искушение велико – оно сильнее нужды во мне.

Когда он прикоснулся к ее обнаженному плечу, огонь в ее глазах унялся и он снова увидел свою мать, опять постаревшую, дрожащую от холода, которого она не чувствовала. Она всматривалась в него смягчившимся, молящим взглядом.

– Сарита, не терзай себя, – успокаивал он ее. – Я стал теперь всем.

– А как же я? – спросила она совсем как ребенок, трясаясь в своей ночной рубашке и глядя на него широко открытыми испуганными глазами. – Не покидай меня, – просила она. – На что мне мир, в котором не будет тебя?

– Мигель не может вернуться, он умер.

– Древние иногда оживляли мертвых! – Глаза ее вспыхнули, и она смущенно опустила взгляд. – Я попрошу их, *t'ijo*, я дам им знак, – тихо сказала она.

– Они не вернули бы твоего сына Мигеля, даже если бы он согласился. Зачем усталому видению цепляться за жизнь в умирающем теле?

– Значит... это возможно! – воскликнула его мать.

Глаза у нее снова загорелись, и он почувствовал, какое сильное искушение их зажгло.

– Сарита, не проси об этом.

– Я верну тебя. Или же...

– Или что – умрешь? Давай, умри сейчас! Вместе отправимся домой!

– Я не готова вот так явно сдаться!

– *Madre*, ты меня не слушаешь.

– Тогда вернись, чтоб я услышала! – выкрикнула она. – Возвращайся и научи меня тому, что мне самой не усвоить.

Мигель вздохнул. Она пыталась словами подчинить его своей воле – так было всегда. Переспорить ее было делом весьма нелегким. Сарита была его наставницей, терпеливым мастером, и сейчас ему трудно было отвечать не как ученик учителю. Он тяжело оперся на ствол дерева и сосредоточился на огромной сверкающей сфере, которая плыла над горизонтом, одни видения принимая, а другие отбрасывая.

– Твое видение уже гаснет, – продолжала наседать на него Сарита, следя за его взглядом. – Это такое несчастье. У твоих сыновей не хватит без тебя сил, а твои ученики слабы и слишком любят себя.

– Это не важно, Сарита. Они теперь счастливее, чем раньше. И мир стал счастливее. – Он повернулся к ней с довольным видом.

– Кто дал тебе жизнь? – резко спросила она. – Кто тебя воспитывал, обучал, кто готовил тебя к тому, чтобы ты покоришь саму мать-землю?

– *Ti'6, tata*, – тихо ответил он.

Он знал, что последует дальше. Ему будет трудно сказать ей «нет», как было трудно сказать «нет» всем таким же, как она. На это она и рассчитывала.

– Послушай свою мать. Времени остается мало, а без тебя я не вернусь.

– А я прошу тебя остаться со мной, Сарита. Там тебя ничего больше не ждет, кроме физического страдания. Я избавлю тебя от него.

– Не изображай меня жертвой.

Мигель в раздумье смотрел на нее. Она не была жертвой. Эта женщина ненавидела убийцу-возраст и по своей воле ни за что бы не встретила свой конец в одиночку. Они работали вместе уже пятьдесят лет, как двое детей, которые придумывают игры, – их игры меняли видения людей. Если он уйдет, в мире не останется никого подобного ей... Но понимает ли она, чего будет стоить его телу это возвращение? Представляет ли она, как больно ему будет? Что-то шевельнулось в нем, и он почувствовал, как сила его любви начинает изменять видение. Он взглянул в глаза матери и заговорил с ней, тщательно подбирая слова:

– *Madre*, если это тело останется жить, я должен буду присутствовать в нем, но ему понадобится и что-то из моего старого состава.

– Разве не я учила тебя тому, что такое человеческая форма?

– Но формы больше нет, не осталось никакой системы убеждений.

---

⁶ Ты (*исп.*).

– Это можно восстановить.

– Кем был Мигель, Сарита? Как можно его вернуть, когда нет ответа на этот вопрос? Путь могут показать только воспоминания, а они лгут, и с каждым рассказом ложь видоизменяется. Они могут дать направление, но не истину.

– Они дадут мне тебя!

Мигель смотрел на мать. Она была визуальным образом, составленным из меняющихся настроений и знакомых фраз, но казалась реальной, теплой и такой очаровательно непритязательной в своей ночнушке и тапочках, что ему вдруг захотелось поговорить с ней о чем-нибудь простом, повседневном. Ему хотелось подразнить ее, как когда-то, рассмешить. Вот бы она позвала его завтракать, поведала мимоходом о незнакомых ему людях. Хотелось почувствовать кончики ее пальцев у себя на лбу, над сердцем – так она обычно благословляла его по утрам. Но сейчас ведь у них не обычная встреча. Она нашла его где-то между жизнью и смертью. Нашла, потому что жизнь проложила ей путь... А сейчас, вместо того чтобы поддаться этому хрупкому видению, она пытается им управлять.

Чем он утешит ее, когда она потеряет сына? Как ему унять ее страхи? Однажды ему это удалось. Она бьется с ним и сдаваться, похоже, не собирается. Она приготовилась бороться – да, вот эта старушка в хлопковой рубашке и тапках, едва стоящая на ногах. Несмотря на свою хрупкость, она останется воином до тех пор, пока не станет очевидно, что воевать больше не нужно. Непонятно, чего она надеется добиться, но одно ясно: она скорее умрет, чем оставит свои попытки.

Мигель улыбнулся ей.

– Я вижу, ты с сумкой пришла. Хотела меня в ней унести?

– А что, могла бы!

– В ней, кажется, уже нет места.

– Вот! – воскликнула она севшим от всех этих разговоров голосом.

Он заметил, что она снова воодушевилась, и решил: «Пусть говорит».

– Вот, принесла орудия нашего ремесла! Мы могли бы вместе провести ритуал – как раньше. Приготовься, *t'ijo*. Очистись и призови нам на помощь силы жизни.

Мигель не стал ничего делать. Уперев одну руку в колено, он терпеливо смотрел, как мать, склонившись над сумкой, перебирает свои сокровища. В его глазах поблескивал странный огонек. Он сам когда-то был шаманом и знал, что сейчас будет. Время трюков прошло, но как он ей это скажет? Для Мигеля, главного героя его истории, видение кончилось, но она ведь не будет его слушать. Она будет упорствовать в том, чтобы ей вернули сына, пусть даже в виде слабейшего его подобия, живущего в самой призрачной форме.

Сарита торжественно, с вновь обретенным вдохновением начала доставать из сумки разные предметы. Возможно ли, что она со своим товарищем по былым играм придумает еще одну игру? Может ли фортуна еще раз оказаться на ее стороне? Чувствуя близость предков, она улыбалась. Вытащив из тяжелой сумки маленький барабан, она поставила его на землю, а сверху осторожно положила палочку, завернутую в ритуальную красную ленту. Из крошечного мешочка она вытряхнула коллекцию ацтекских черепков, аккуратно расположила их в линию на коже барабана и добавила к этой композиции великолепное орлиное перо. Затем положила у основания барабана три погремушки из бутылочных тыков и кадильницу с древесным углем и ладаном. Довольная проделанной подготовительной работой, она стала вынимать из сумки и расставлять на ветке дерева одного за другим своих любимых кумиров.

– Ну вот! Начнем, понятно, с Сына Девы Марии!

Она поставила на широкую ветку фигурку Иисуса, позаботившись, чтобы она не упала. Изящно вылепленная из глины статуэтка изображала Господа с ягненком на руках. Затем Сарита извлекла Деву Марию, руки которой были раскрыты, как при вознесении.

– Вот так. Мать и Сын вместе, – удовлетворенно сказала Сарита и пробормотала молитву.

Мигель молча наблюдал. Она закончила молиться и заколебалась, видимо не зная, что делать дальше. Поджав губы, она снова склонилась над сумкой. Шумно порывшись в ней несколько секунд, она выпрямилась, держа в обеих руках грузную латунную статуэтку Будды. Она подняла взгляд на сына, как будто ожидая, что он будет возражать.

– А почему бы и нет? – сказала она. – Разве он такой гордый, что не может прийти на помощь другому учителю?

– Он не гордый, хотя у него есть на это все основания, – спокойно сказал Мигель, кивая в сторону мерцавших вверху огней. – Его послание до сих пор влияет на видение человечества.

– Истинная правда!

Старушка водрузила изваяние на дерево, втиснув его между двумя расходящимися ветвями. Закрыв глаза, она прошептала еще одну молитву – по-видимому, самому верховному бодхисатве. Еще раз удовлетворенно вздохнув, она опять полезла в сумку. На этот раз она нашла статуэтку поизящнее, завернутую в шелковую ткань. Это была китайская богиня, искусно высеченная из светлого нефрита. Немного подумав, она поставила ее рядом с Богородицей.

– Мать слышит мольбы своих детей. Она ответит на них. – Оглядев двух женщин, грациозно стоявших под огнями мира живых, Сарита улыбнулась. – Мать ведь всегда отвечает.

Следующей оказалась еще одна латунная фигурка – скрупулезно исполненный образ богини-воительницы Кали. Мигель представил себе, сколько соседских домов прочесала его мать, чтобы наполнить свою сумку этими предметами поклонения. Вряд ли она знала имена этих богинь, не говоря уже о том, что они из себя представляют.

– Как она тебе? – спросила Сарита. – Вид у нее боевой, только пусть не думает, что мы за смертью пришли.

– Ты же видишь, можно сражаться и ради чего-то более серьезного, чем смерть.

Сарита смотрела на сына, как бы ища у него понимания. Но когда он встретился с ней глазами, вместо поддержки она почувствовала замешательство. Быстро отведя взгляд, она приподняла нейлоновую сумку и потрясла ее. На дне что-то еще оставалось. Выудив последний предмет, она пожала плечами и вздохнула. Это был пластмассовый морячок Попай⁷ из детства ее сына, с торчавшей изо рта трубкой и надутыми бицепсами. Она нашла его в ящике комода.

– Вот теперь можно поговорить! – засмеявшись, воскликнул Мигель. – Я это я, и точка!⁸

Она довольно улыбнулась. Бог знает, что он нашел в этой глупой игрушке, но она не ошиблась – он обрадовался. Освободив морщинистые руки, она беспокойно одернула свою хлопковую ночнушку. Что еще? Нашупав карман, она вынула из него ожерелье: звезду Давида на серебряной цепочке. Ее она повесила на густо покрытую листьями ветку и крутанула. Затем сняла с шеи золотое распятие и накинула его на ту же ветку. Два талисмана вертелись, блестя в призрачном свете и отбрасывая огненные искорки на верхние ветки.

– Старые боги, новые боги... Какая разница? – прошептала она.

– А зачем вообще возиться с богами? – спросил ее сын. – Зачем призывать святых и предков? Зачем они здесь, когда встретились мать и сын?

– Потому что нам нужна помощь.

– Тебе нужна вера, но не в них.

---

⁷ *Попай* (Popeye) – персонаж комиксов и мультфильмов (с 1929 г.), особенно популярных в 1930-е гг., смешной пучеглазый моряк, обладавший способностью превращаться в суперсилача каждый раз, когда он съедает банку консервированного шпината. Художник Э. Сигар.

⁸ Название одного из мультфильмов о Попае и цитата из него.

– А... в кого же?

– Диву даюсь – ты ли меня об этом спрашиваешь?

– Я очень верю в тебя, мой ягненочек.

– Не в меня нужно верить. Верь в себя. Ведь именно эта вера привела тебя сюда, ко мне. Вера – это сама жизнь, она пронизывает всю материю и движет нами с тобой.

– Но ты совсем не двигаешься.

– Как это? Разве меня не передвинули?

Он покачал головой, во взгляде его была покорность судьбе. Что еще он мог сказать ей?

– *M'ijo*, я или верну тебя, или умру, но попыток не оставлю, – спокойно и отчетливо произнесла она.

«Так ведь и будет», – подумал он. Но сейчас она жива. Жизнь продолжает биться сквозь нее, заряжая ее старое тело не вызывающей сомнений волей. Если она собирается оживить его, ей понадобится эта воля, чтобы стать еще сильнее, ведь он стал ей эмоционально недоступен. Ей нужна будет непоколебимая вера, которая может произрасти только из осознанности – а она пока ей не дается. Да, даже мать Сариту, мудрую женщину, целительницу, еще ждут откровения, и впереди у нее путь, который так долго откладывался на потом.

– Сарита, сегодня ты не умрешь, – наконец заявил он. – Как, видимо, и я.

Он должен воспользоваться этой возможностью послужить своей матери. Она всегда была готова бороться за него. Всегда защищала его право быть тем, кто он есть, и добиваться того, чего хочет. Сейчас она защищает его право жить. Он видел, что лицо матери снова просветлело, – за прошедшие годы это лицо тысячи раз озарялось любовью и гордостью за него, и его воображение загорелось. Пусть у Сариты будет миссия, раз она ей нужна; он даст воину сразиться в последний раз. Пока это в его силах, он поможет ей отправиться в путь, который сам по себе куда важнее, чем намеченный пункт назначения.

– Значит, ты готова на все? – спросил Мигель.

– Да!

– Даже если нужно будет следовать указаниям?

Сердце Сариты забилося чаще.

– Мой ангел, в этом особенном мире ты учитель, – сказала она. – Я с радостью слушаюсь твоих указаний.

«Что ж, а теперь кто над кем измывается?» – с иронией подумал он. Даже умирающему неплохо посмеяться. А он ведь точно умирает... процесс начался. Он понимал, что Сарита пришла к нему как страстная сила жизни; и в видении, сотканном из памяти и слабеющих желаний, только жизнь могла остановить этот процесс.

– *Madre*, указания буду давать не я, – сказал он, сияя улыбкой, полной любви. – В моем особенном мире результат не имеет значения. В мире других результат – это все. – Он посмотрел куда-то далеко мимо нее.

– Что ты... – начала было она. – Тут есть кто-то еще?

Сарита устремила взгляд в ту же сторону – в направлении горизонта.

– Что это? – спросила она. – Еще одно дерево?

Вдали от мерцающего места, где они находились, на другом холме, окруженном таким же ландшафтом, вырисовывались неясные очертания громадного дерева. До этого мгновения она его не замечала. Оно было точь-в-точь такое же, как это дерево, чьи благородные ветви приютили ее сына. Это...

– Копия, – сообщил ей он.

– А кто на нем сидит? Копия моего сына?

– Самозванец другого рода. Тот, кто живет на том дереве, владеет наукой иллюзии.

Поговори с ним, мама.

Сарита смотрела на дерево, стоявшее вдаль, за скорбной пустыней. Хотя его окутывал полумрак, оно, как и это дерево, лучезарно светилось разными цветами. Но все на нем было неподвижно. Листья не трепетали, не было никаких отблесков. Тени не играли со вспыхивающими и гаснущими лучами света. Похоже, что среди его ветвей не притаилось ничего живого. Она была загипнотизирована. Ей потребовалось сделать над собой усилие, чтобы оторвать взгляд и снова увидеть сына, сидевшего на своем древе жизни на фоне ярких цветов Земли.

– Мне не нужны новые иллюзии. Мне нужен Мигель.

– Сарита, там начинается твой путь, – объяснил Мигель, еще раз взглянув на далекое дерево. Все воспринимаемое – это отражение, иллюзия. Теперь у нее будет возможность осознавать это и только потом делать выбор. – Если ты хочешь узнать, как вернуть сына, там тебя ждут первые указания. И, как всегда, не верь ничему, что услышишь, но слушай.

Он сорвал с верхней ветки еще одно яблоко и вытер его о край больничного халата. Потом хорошенько откусил и начал жевать. Сладкий сок потек по его подбородку. Он поднял глаза к черному небу и восхищенно улыбнулся прекрасному зрелищу планеты, сияющей видениями. У него нет сомнений: мать покажет себя мастером. С каждым новым вызовом ее осознанность будет возрастать. Как всегда, она воспользуется своей мудростью и будет обращаться за советом к предкам. Она встретится с тем, кто правит миром отражений – миром, который он оставил далеко позади, и, по крайней мере ненадолго, она забудет боль, причиняемую невыносимым материнским страхом. Он весело подмигнул ей и приготовился следовать за жизнью, куда бы она ни вела.

Сарита улыбнулась ему в ответ. Теперь она чувствовала уверенность – сила ее намерения подталкивала время и обстоятельства. Во что бы то ни стало она должна оставаться в видении сына. Здесь она может уговорить его. Здесь он почувствует силу ее воли. По ее мнению, она сумела направить все в нужную колею, и он пока уступает. Он указывает путь к решению, каким бы сомнительным тот ни казался ей, а это уже кое-что. Конечно, она выполнит его каприз. Попробует делать все так, как хочет он, – пока ей не удастся все переиначить и подчинить себе.

Взгляд Сариты устремился к горизонту. Только она сама может встретить то, что ждет впереди, сколько бы часов ни исполняла ее семья ритуал с музыкой и молитвой. Не произнеся больше ни слова, она отвернулась от Мигеля, подхватила пустую сумку и снова пошла, на этот раз в сторону того, что пряталось в тени далекого огромного дерева – что бы это ни было.

Было безветренно. Ни звука не было слышно в этом замершем краю, над которым нависло готовое разразиться грозой небо. Странно, думала она, куда делся этот до сих пор не умолкавший ролл-н-рок, который, кажется, без перерыва играет в голове у ее сына? Ролл-н-рок? Или рок-н-ролл? Не важно, но он больше не звучит. Сейчас она осталась одна. Она легко взмахнула своей нейлоновой сумкой, как бы бросая вызов сомнению. Скоро эта странная затея закончится. Скоро Сарита вновь обретет сына – живым – и заключит его в свои объятия.

2

Мать отправилась в путь, и можно снова отдыхать, любоваться бесконечным светом, слушать музыку. Даже сейчас, даже сквозь туман этого сна я слышу песни моей юности. Их ритм завладевает всем моим вниманием. Их слова – это послания, которые рассказывают сразу и о боли, и о том, как ее превозмочь. Я слышу, как сквозь мелодию и слова всегда – пусть неявно – просвечивает истина. Музыка и пульсирующая в ней жизнь – это моя стихия.

Пройден долгий жизненный путь – он начался гораздо раньше, чем я научился понимать музыку, еще до того, как слух соединил меня с физическим миром, прежде, чем я осознал, как трудно быть человеком. Он начался раньше, чем я познакомился с материей. Возможно, мои самые ранние воспоминания связаны с рождением моего тела, первыми попытками дышать, криками корчившейся в муках матери. Там началась полная событий дорога из младенчества в зрелость, от ученичества к мастерству. Я проделал путь от чистого потенциала через захватывающие приключения физического существования до конца, который ждет усталого путника. Когда-то были нескончаемые ночи любви, а теперь вот – эта тихая ночь, с шепотом смерти внутри меня и вокруг. Это была хорошая жизнь: я дарил и получал любовь без всяких условий и оправданий.

Любовь не требует оправданий, ведь мы и есть любовь. Люди редко позволяют себе испытать ее силу. Слово «любовь» знакомо им лишь как падший символ, который изначально призван был означать жизнь, но потом был исковеркан бесчисленными смысловыми искажениями. Стоило извратить одно это слово, как пошла неразбериха со всеми символами. Символы превращаются в убеждения, а те, в свою очередь, становятся узколобыми тиранами, которые упиваются человеческими страданиями. Все это началось с обесценивания первого слова – «любовь».

Да, в моей жизни было много любви. Всегда находились женщины, жадные до прикосновений, жаждавшие любить и быть любимыми. Всегда были женщины, которые искали правду о себе в моих глазах. И я любил всех этих женщин, встретившихся на моем пути. У них были разные лица, разные имена, но для меня существовала лишь одна – падшая женщина, пойманная в паутину искажений и ищущая путь обратно, к истине. Даже сейчас она пытается нащупать обратный путь к небесам, продолжая тем временем верить в ложь, которая удерживает ее в аду.

Конечно, она – это все мы. Она – знания. И сейчас я могу сказать без всякого стыда, что когда-то она была Мигелем. Со знаниями у меня с самого начала все обстояло хорошо. Начиная с первого вдоха мне не терпелось узнать, что значат звуки, символы, потом – строки, набросанные на бумаге. Как всякий здоровый младенец, я видел и слышал все. Я чувствовал так, как окружающие меня взрослые давно разучились чувствовать. Чувственный опыт омывал меня днем и ночью, но, разумеется, кто-то должен был засвидетельствовать чудеса ощущений. Наблюдая мир взрослых, я понял, что чувственному опыту нужен рассказчик.

Первое произнесенное мною слово так взволновало меня, а безмерная радость по этому поводу моих родителей и наших друзей так меня потрясла, что я попался. Как быстро и истово поверил я в слова! Как проворно я их проговаривал, создавая карикатуру на маленького мальчика! Поразительно и то, как слова превратились в бесконечное подтверждение опыта, то есть в мысль. Очень скоро я стал точно таким же рассказчиком, как те, что составляли мою детскую вселенную. Я охотно впитывал в себя различные допущения и мнения, и наградой за мои усилия стало возникновение отдельной личности, существование которой невозможно оспорить. Я хорошо знал, кто я такой. Все мои знакомые тоже хорошо знали, кто я, – по крайней мере, так я думал.

Я любил слова и те миры, которые слова создавали для меня. Мне нравилась их сила, с помощью которой можно убеждать других, менять точки зрения. Слова помогали ухаживать за девушками и побеждать в спорах с юношами, такими же жадными до знаний, как я, – и это было здорово. Когда я учился, слова давали мне преимущество перед товарищами и учителями, а потом и профессорами. Учился я всегда хорошо. Быстро запоминал и быстро вспоминал, что нужно. Правда, это продолжалось лишь до тех пор, пока я не пошел учиться на врача. Там-то, похоже, я это преимущество утратил. Я очень старался, зубрил, но зачеты сдавал с трудом. Оценки я получал плохие, впал в уныние, моя уверенность в себе стремительно испарялась. Мне очень хотелось пойти по стопам моих братьев, но после первого семестра в мединституте стало ясно, что сделать карьеру врача мне вряд ли удастся. Наконец все стало настолько плохо, что со мной решил поговорить с глазу на глаз преподаватель физики. Он не мог понять, почему моя успеваемость совсем не отражает ту сообразительность и тот энтузиазм, которые я демонстрировал на занятиях. У меня не было удовлетворительного ответа на этот вопрос. Я сказал ему, что очень стараюсь, столько усилий трачу на то, чтобы заучить материал.

– А ты не заучивай, – перебил меня он. – Дай волю воображению.

Кажется, никогда раньше не слышал я, чтобы слова использовали подобным образом – предлагая, а не убеждая. Этот преподаватель предлагал мне забыть о форме и попробовать отнестись к моей жизни как к видению. Он давал мне разрешение *прожить истину*, вместо того чтобы просто *наблюдать факты*. После того разговора мои оценки круто пошли в гору, но, что важнее, изменился мир, который я знал. Это был мой первый шаг на долгом пути прочь от голых знаний, от повелительного голоса, звучавшего у меня в голове. Шаг был, конечно, маленький, ведь я был сильно привязан к законам знаний, они в том возрасте значили для меня все. Я верил в то, что они способны вылечить любую болезнь и решить любую проблему. Они определяли меня. Я был знаниями – со всей экспрессией и неутоленным напором юности. Без этого «я», порожденного словами и идеями, я не смог бы существовать, – во всяком случае, так мне казалось.

Я смотрю, как моя мать идет к горизонту, к своей цели, и мне спокойно. Я вижу вдаль это дерево из своего нынешнего пристанища в ветвях древа жизни и чувствую только любовь. Это дерево, зеркально отражающее мое древо, – только символ знаний, и ничего больше, а символы не властны надо мной. Не властны сейчас, но было в моей жизни время, когда я готов был отдать что угодно, лишь бы вырваться из хватки знаний. Я мог бы сказать «избавиться от влияния их силы», но в знаниях – ложная сила, которая рождается в те опьяняющие мгновения раннего детства, когда язык кажется единственной дорогой в рай. Видимо, есть лишь один путь вперед от этого первого соблазна. Это, конечно, простая человеческая судьба. Из беспредельного света нас забрасывает в физический мир, и из этой полной растерянности тьмы мы должны отыскать путь обратно. Ничто не заставляет нас гореть на той же частоте, что и свет, который привел нас сюда, – но разве это так уж невозможно? Рассеять светом мрак, сотворенный словами, – это осознанный выбор, путь искателя.

Мой преподаватель физики в мединституте предложил мне посмотреть на мир как на видение в учебных целях, но вскоре я обнаружил, что мы погружены в видение постоянно. Сначала мы что-либо представляем себе, а затем становимся этим. Художники видения, чем бы оно ни было, – это художники жизни. Видеть видение – значит создавать реальность любыми доступными средствами. У собаки собачье видение. Дерево видит себя по-своему. Оно знает свое тело – каждый листок и частицу, которые делают его вселенной. Оно знает омолаживающую силу солнечного света, дождя, питающей почвы. Оно понимает, что связано с жизнью в целом, и, как и тело человека, меняется, когда меняется свет. Но человеческое видение приспособливается к изменяющимся знаниям. Когда мозг человека превращает свет в язык, он учится видеть посредством слов. Мы даже не понимаем, как мы одарены.

Наши слова описывают нашу реальность. Мы всегда в видении, мы постоянно заново определяем реальность. Когда мы спим, слова становятся лишь слабым эхом видения наяву, но это видение все-таки продолжается. Как и у всех существ, наше видение длится беспрерывно. В нем мы создаем идею того, кем являемся по отношению ко всему остальному миру. Когда с нами соглашаются другие умы, мы осмеливаемся назвать наше видение истиной. В зависимости от того, как мы используем знания, мы можем быть жертвами или ответственными мастерами своего личного видения.

Так много лет тому назад я попал в плен к знаниям, но пришло время сбросить с себя их оковы. Родные тогда не могли меня поддержать, не было у меня и сообщества тех, кто мог бы меня научить, как это сделать. Я был один, и утешить меня могла только древняя мудрость. Так же одинока сейчас и Сарита. Всерьез ее поиски и путь ко мне начнутся в мире, который олицетворяет вон то дерево. Собрать фрагменты старого видения, созданного старыми знаниями, может каждый. Но для того, чтобы подобрать драгоценное сырье для нового, вдохновляющего видения, нужен мастер. И это вызов, который ей брошен. Может быть, она потерпит неудачу, а может, одержит победу. В любом случае Мигель не вернется. Он сейчас дома, в объятиях вечности.

Прожив жизнь, он постиг истину о себе. Дюйм за дюймом он освобождался от соблазнов знаний. Унция за унцией он делал свое сердце невесомым, очищая его от полчищ лжи. Частоты, которыми он жил, менялись, возрастали, и наконец настало время, когда материя не может более удерживать его. Оживляй тело, если ты этого хочешь, мать. Собирай воспоминания, скрепи их верой, а остальное пусть сделает медицина. С широко открытыми от волнения глазами ты, как будто впервые, столкнешься со знаниями. Учись на своем пути. Будь в этих поисках моим сердцем, и пусть с каждым шагом ты будешь все ближе к свету. Делай, что должно. Пробуй, что хочешь... Но Мигель не вернется.

* * *

Мать Сарита стояла у подножия второго дерева, сердце ее колотилось, вырываясь из груди, она задыхалась. Вроде бы дерево стояло не так далеко, но путь к нему показался ей бесконечным. Она обернулась – на фоне неба виднелись очертания дерева, на котором сидел Мигель. Оно было окутано светом. Но то дерево, перед которым стояла она, было погружено во тьму. Как мудрая женщина, она понимала, что это значит: здесь нет зла, здесь просто отсутствует что-то. Даже не отсутствует, здесь чего-то не хватает. Здесь все пронизывает свет, он есть во всем, но в этом месте он не совсем желателен. То неземное сияние, что заливает окружающий ландшафт, здесь встречает какое-то сопротивление. Что сказал ей сын? Нужно довериться какому-то самозванцу. Ей не очень нравилось слово «самозванец». Но ведь нужно добиться своей цели, и она примет любую помощь, в любой форме.

Она глубоко, с болью вдохнула, и сердце стало стучать не так быстро. Хотя она и вытаскивала все из своей сумки, ей все равно было тяжело. Странно, что в этом мираже так тяжело физически. И ведь там, дома, в гостиной, сердце ее колотится точно так же, она это знает. Может быть, сыновья волнуются за нее и этот транс напугал ее внуков, но она не может остановиться. Она должна идти дальше. Она снова сделала глубокий вдох и постаралась расслабить мышцы лица в надежде, что его умиротворенное выражение успокоит ее родных, смотревших на нее дома и не понимавших, что происходит.

Так и не разглядев в ветвях этого дерева ничего, кроме теней и обманок, она присела на огромный корень, пробившийся в одном месте на поверхность и выгнувшийся, как кошка, ждущая, что ее погладят. И тут что-то шевельнулось в глубине ветвей. Она спокойно достала из кармана носовой платок и аккуратно, не торопясь, промокнула лицо. Потом громко вздохнула и стала ждать.

– Добро пожаловать.

Голос был угодливый, мягкий, но ей от него стало не по себе. Он звучал одновременно любезно и осторожно, приветствовал и в то же время проникал в самые ее мысли. Несмотря на приятный тон, в нем слышалась непреклонность. Одно слово, произнесенное им, распахиало целые миры. Этот голос был очень похож на голос ее сына.

– Мигель? – нерешительно спросила она дрожащим голосом.

Он что, находится в двух местах одновременно? Во что это он играет, что это за видение из отражений? Она забеспокоилась: предкам это может не понравиться, а их помощь понадобится ей во время этого путешествия. Она не двигалась, не зная, куда смотреть: голос, казалось, доносился сразу со всех сторон.

– Ты удобно устроилась, – заявил голос.

– Как раз куда как неудобно, хуже некуда, – сказала старушка, складывая свой мокрый платочек. – Неудобней вряд ли бывает, но это не важно, я отсюда скоро уйду.

Краем глаза она заметила, как что-то плавно скользнуло из-за ствола дерева футах в шести от того места, где она сидела.

– Вот как? – заинтересованно произнес голос. – И куда же ты направляешься?

– Мне сказали, что вы лучше знаете, куда я иду.

Сарита встревожилась: не теряет ли она власть над своим трансом? Она своей волей попала в лихорадочные сны сына, это ее последняя надежда, но сейчас она поняла, насколько это опасно. Но чем бы это ей ни грозило, она знала, что сможет добраться до него, что он отзовется. Она многое знала, но что перед ней сейчас – было выше ее разума.

– Это правда, что вы знаете?.. Ну, что вам известно... – Она споткнулась, не зная, что еще сказать.

– Я знаю все, – приветливо ответил голос. – Да, я *все* знаю.

Сариту охватило чувство, что это уже другое видение – не ее сына и не ее собственное. Это какой-то старый-престарый сон, давно вытесненный из человеческой памяти. Он похож на древнее видение, то, в котором к тебе с тихим шепотом подползает змей. В небе она по-прежнему видела знакомую, ярко освещенную планету, чье огненное сердце вдыхает и выдыхает видения, похожие на дымку... Но *здесь* жизнь почти замерла. Рядом с ней неясно вырисовывалось дерево, но оно, кажется, не дышало. Это было какое-то сумеречное видение.

Она запихнула сложенный кружевной платочек в карман, полная решимости сделать это видение своим и управлять им. Она должна встать и лицом к лицу встретить то, ради чего пришла. Тело послушалось ее, и в следующее мгновение она уже стояла на ногах. Лицо ее глядело грозно, а сердце никогда не колотилось так сильно. Но то, что явилось ей, она никак не ожидала увидеть. Перед ней, прячась в глубокой тени дерева, стояла красивая молодая женщина в простом платье.

– Ох! – воскликнула Сарита, не скрывая облегчения. – Ну и хорошо. Раз вы так много знаете, может, подскажете, как вернуть моего младшего сына к жизни.

– Он умер? – спросила женщина. Казалось, она удивлена и сочувствует.

– Нет. Он сидит вон на том дереве и грезит о вечности. – Сарита обернулась и показала на символ жизни, величественно высившийся у далекого горизонта. – Я не дам ему умереть, пока... Пока он не будет готов.

Она снова повернулась к своей новой знакомой и обнаружила, что та успела бесшумно выйти из тени и теперь пристально, как зачарованная смотрит на другое дерево. Грудь ее от волнения вздымалась и опускалась, а темно-рыжие волосы развевались, как будто их подхватил внезапно налетевший ветер. Сарита вдруг с тревогой поняла, что это не просто какая-то женщина. Это волшебница, обладающая большой силой. Она похожа на женщину, которой когда-то была сама Сарита, правда теперь она уже едва помнит об этом, а тогда ведь

жизнь была у нее на ладони, а смерть безмятежно лежала у ее ног. Не успела Сарита понять, кто именно стоит перед ней, как молодая женщина снова повернулась к ней и уставилась ей прямо в глаза.

– Пока не будет готов? – резко спросила она. – Хочешь сказать, он еще не закончил?

– Что? – в замешательстве пробормотала Сарита. Как может это существо помочь ей вернуть сына? Что она может о нем знать? – Нет, – сказала она, стараясь справиться со своим смятением, – он еще не закончил. Не довершил свою работу.

– И что это за работа?

Вот это да! Сарита подивилась: это создание ничего, оказывается, не знает. Но на душе у нее стало теплеть оттого, что она вернула себе инициативу. Мигель должен продолжить свои странствия, вести свои важные разговоры и, в конце концов, соединиться с самой Землей. Это ведь ясно! Он – вестник. Это его предназначение, как и многие другие дела. Его видение растет, расширяется – оно не должно сейчас оборваться.

– Он трудится с нашей всеобщей матерью – и труд этот он еще не закончил, – объяснила Сарита.

– Мне она не мать, – обеспокоенно сказала женщина.

– Он делится своей мудростью, щедро отдает другим...

– Кому отдает? Тебе?

– Миру! Он еще не окончил свою миссию вестника...

– Ты хочешь сказать – ему еще нужно какое-то время побыть твоим заботливым сыном?

– Ему еще нужно какое-то время побыть... самим собой!

Призрак беззвучно двинулся к старушке, дохнув ей в лицо холодом.

– А разве он не на сто процентов тот, кто он есть?

– Вы можете мне помочь или нет? – вне себя выкрикнула Сарита. – Он должен вернуться ко мне... в наш мир.

Прелестное существо коротко вздохнуло и наклонилось к старушке, внимательно рассматривая ее.

– Тебе нужна моя помощь? – только и сказала она.

– Мне нужны ваши знания.

Красавица снова вздохнула – теперь как будто прошипела, а в темнеющем небе сверкнула молния. Глаза ее вспыхнули красным цветом, который сменился нежнейше-карим. Женщина засмеялась, волосы ее развевал этот удивительный ветер чувств, поднимаемый, кажется, только ею.

– Подумать только! – снова прошипела она. – Глядя на тебя, можно было ожидать беды! А ты, оказывается, совсем безобидная. Да мы с тобой одной крови, *vieja*⁹ Ты мое подобие, сестрица. Будь моим желанным гостем. Хочешь знаний – я тебя заброшу ими!

– Можешь называть меня матерью Саритой, я ведь старше тебя. А у тебя есть имя?

– Я тоже старая. Старше тебя, Сара... Сара, – существо отчетливо выговорило древнее имя со священными корнями, смакуя его звучание. Потом помолчало, разглядывая лицо старей женщины. – Сара, – снова прошептала она. – Впечатляет. Заслуженное имя. По такому случаю возьму-ка и я себе имя, которое будет мне впору.

Сарита ждала, перебирая в уме: какими только именами люди не называли это создание на протяжении тысячелетий – и священными, и похабными.

– Как меня называть? – громко спросила красавица. – И на каком изысканном языке? Может быть, на твоём? – Ее лицо сначала выразило беспокойство, потом веселье и, наконец, решимость. – Зови меня *La Vida*¹⁰.

---

⁹ Старушка (*исп.*).

¹⁰ Жизнь (*исп.*).

Она бросила взгляд на дерево у горизонта и, усмехнувшись, вся преобразилась.

– Да-да, – вздохнула старушка. – Жизнь.

Кажется, это создание замахивается на то, что ей не по силам.

– Или... Пожалуй, нет. Думаю, *La Luz*¹¹ лучше подойдет.

La Luz? Опять пальцем в небо. Вообще-то, света в этом уголке маловато.

Сарита согласно кивнула.

– Почему бы и нет.

– Нет, – сама поправилась женщина. – *La Verdad*¹². Зови меня так.

– Как скажешь.

Покачав головой, Сарита потянулась за сумкой.

– Постой! – Призрак завертелся на месте, всклубив краем платья пепел с земли. – Мне нужно величественное имя! Романтичное! Называй меня *La Diosa*!¹³

«Ну да, конечно, – подумала Сарита. – Как не наречь себя богом, когда живешь только спесью и заблуждениями?» Когда-то ей рассказывали про один модный ночной клуб с таким названием в Гвадалахаре – там женщины плясали полуголыми на сцене, стыд-то какой! Она представила себе эту картинку, и ей стало смешно.

– У меня уже голова от тебя закружилась, – со вздохом пожаловалась Сарита. – Ла такая, ла ская, ла-ла-ла. – Перед глазами у нее все стояли эти нагие девки из стрип-клуба, и ее так и подмывало подразнить это самонадеянное создание. – Может, просто Лала? Шикарное имя.

Рыжеволосая повернулась и уставилась на нее.

Сарита осеклась: уж не обидела ли?

– Ну, в имени Лала – и что-то светлое, и живое, – сказала она, чтобы исправить положение.

– Я – *La Diosa*, – заявила ее собеседница как о деле решенном и натянуто улыбнулась. – Но поскольку в этом начинании мы сестры, полагаю, что могу позволить тебе звать меня как-нибудь... живенько.

– Вот и славно. Тогда с чего начнем, Лала? Мне нужно подготовиться?

– Ничего не нужно, дорогая. Давай обратимся к памяти, этой княгине истины, – пусть она проложит нам путь!

– Но ведь память...

– Я знаю все, – перебила ее Лала. – Не забывай об этом. Если ты не будешь мне доверять, мы ничего не найдем – ничего, кроме света, движения... и беззащитных почек на безымянном дереве.

Сарита попыталась поточнее вспомнить, что Мигель говорил о памяти, но ничего не всплывало. Она не успела поразмыслить над тем, что плохого в почках на дереве, – ее новая знакомая быстро и бесшумно приблизилась к ней и снова устремила свой взгляд прямо ей в глаза.

– Мы воскрешаем видение, – торжественно произнесла она.

– Мы возвращаем моего сына, – поправила ее Сарита.

– Какой счастливый случай, – тихо откликнулась Лала. – Решение находится в сфере моего разума. – Она не отводила от Сариты пронзительного взора. – Ты правильно поступила, что отыскала меня.

– На самом-то деле... – начала Сарита, но Лалу было не перебить и от взгляда ее не спрятаться.

---

¹¹ Свет (*исп.*).

¹² Истина (*исп.*).

¹³ Богиня (*исп.*).

– Тебе следует проявлять уважение.

– Вот как?

– Имей в виду: умения мои, приемы и правила ни с чем не сравнимы. Слушай меня.

«Слушай, но не верь», – напомнила себе Сарита.

– Слушай и повинуйся, – последовало еще одно указание.

Сарита твердо решила остаться в этом глухом уголке, кто бы ни был ее спутником. Она не уйдет отсюда, пока не достучится до сына.

– Обязательно, – смиренно поддакнула она. – С чего начнем?

Услышав этот вопрос, ее собеседница просияла.

– С чего. Вот именно, – улыбнулась она. – Что, как и почему. Без этих вопросов никуда.

Она отошла от Сариты, видимо, размышляя. Сарита в ожидании смотрела на нее.

– Начнем с самого раннего воспоминания, – вдруг объявила рыжеволосая, – а оттуда двинемся дальше. – Она взглянула на старую женщину. – Ты взяла с собой сумку. Наверное, все предвидела.

Сарита озадаченно посмотрела на сумку. Неужели в нее нужно будет складывать воспоминания? Вот такими и будут таинственные указания? Она чуть было не рассмеялась, но сдержалась.

– Собрав достаточное количество воспоминаний, мы получаем видение – кинофильм, рассказывающий всю правду о человеке. Я проведу тебя через памятные сцены, через каждую значимую частицу знаний, и вскоре у нас в распоряжении будут все фрагменты, необходимые, чтобы разгадать загадку под названием... «Мигель».

Голос Лалы выводил фразу до последнего слога его имени, как смычок скользит по струнам скрипки, позволяя звуку медленно, мелодично замереть. «Мигель» – это слово, казалось, вызывает к жизни образы чего-то знакомого, по чему она очень тоскует. Легкое дуновение ветерка вдруг напомнило о чем-то теплом, о каком-то звуке.

– Мадам, у нас очень мало времени, – с чувством сказала Сарита, разрушив чары.

На это Лала ответила:

– Время создаю я. У нас его будет столько, сколько я повелю.

С этими словами она взяла старую женщину за руку и осторожно помогла ей снова сесть на гигантский корень.

Сарите показалось, что где-то вдаль застучали капли дождя, хотя небо было все таким же: все так же клубились и неслись по нему тучи, вдалеке сверкала молния, отдаваясь в ее теле, но грома не было. Лала, так и державшая ее за руку, сжала ее крепче, тихо возвышаясь над ней и устремив неподвижный взгляд куда-то вдаль.

Сарита видела: она смотрит на дерево жизни со странным выражением на лице. Оно явно сочетало в себе лютую злобу и страстное желание, хотя Сарита знала, что в обычном мире такие чувства нельзя испытывать одновременно. Она посмотрела на место, где видела сына в последний раз, и подумала: может быть, сегодня нужно было не идти поперек его желаний, а наконец оставить его в покое? Она нечасто так поступала, но сейчас...

Вдруг Лала отпустила ее руку. Сарита удивленно оглянулась на нее, и на них обеих упала тьма, сквозь которую проникал лишь неяркий огонек свечи.

Дерево и бескрайняя безжизненная пустыня исчезли. Сарита сидела на простом деревянном стуле в углу маленькой комнаты. Перед ней при свете единственной свечи, поставленной в банку из-под варенья, предавались любовным ласкам мужчина и женщина.

3

Сарита часто рассказывала о том, как я был зачат. Родился я не совсем обычно, да и в дальнейшем моя жизнь складывалась весьма удивительно.

Семья моя не была обыкновенной. Наша родословная восходит к древнему ацтекскому роду Благородного Орла. Тех, кто призван был стать воином-орлом, в их общинах почитали как мудрецов и наставников. Как и в наших сегодняшних сообществах, тогда существовали политики, солдаты, фермеры и мастера различных ремесел. Говоря об этом древнем народе, к мастерам я также отношу художников жизни, *тольтеков*, как их называют в нашем предании. Их искусством было создание реальности из мудро произносимых слов и весело выбираемых убеждений. Среди мудрейших были те, кто вел борьбу с пагубным страхом, который столь часто порождается человеческим мышлением.

Живя в человеческом теле, я не всегда знал, кем мне в один прекрасный день суждено было стать. Правда, даже среди моих ближайших родственников были духовные воины. Когда я родился, моя мать уже была известной *курандерой*¹⁴ и применяла в своей целительской практике многие священные ритуалы, которым научилась у моего деда дона Леонардо. Его отца и моего прадеда звали Эсикио. Хотя его с юмором, к которому примешивалась доля страха, чаще всего именовали «плутом», среди взрослых, окружавших его, Эсикио прослыл живой легендой. Для детей же, в том числе и для меня, он был призраком, привидением, всевидящим оком. Мы не знали, что за проделки числились за ним в прошлом и на какое волшебство он все еще был способен, но на всякий случай говорили о нем осторожным шепотом. Его имя, как и имена всех древних шаманов, произносилось с почтением и трепетом.

Даже став уже молодым мужчиной, я и вообразить не мог, что такими словами, как «шаман» и «плут», когда-нибудь будут называть меня. Я мечтал о респектабельной жизни врача, вносящего посильный вклад во всеобщее здравоохранение. Невозможно было и помыслить, что сбудутся предсказания моей матери о моем предназначении, что я буду служить человечеству так, как это представляла себе она.

Как и все ее рассказы обо мне, история моего зачатия всегда излагалась мифологически. Так Сарита повествовала почти обо всем: о наших предках она говорила с таким же благоговением, как о святых и ангелах. Я никогда по-настоящему не верил ее рассказам обо мне в том виде, как она их излагала всем, но со временем понял, что для нее это была ее собственная история. Мое зачатие и рождение, мое погружение в видение мира и мое возвращение к ней, к древним верованиям и практикам – все это было про нее. И в чем-то очень важном она была права. Все это действительно было о ней. Ее рассказы были выражением веры – веры в себя. Видеть, как она проживает свою жизнь с такой верой, было для меня величайшим из всех уроков. Вера проявлялась в том, что она воздавала должное Богу Отцу и препоручала себя воле Пресвятой Девы Марии. Проявлялась она и в постоянных просьбах к святым помочь ее благому делу. Она проявлялась так, потому что ей необходимо было так проявиться, – но власть над людьми и событиями в ее видении ей давала вера в себя. Эта вера оживотворяла ее историю. Эта вера давала жизнь больным. И именно эта вера дала жизнь мне.

---

¹⁴ Целительница (*исп.*).

* * *

Сарита сразу узнала эту пару. Женщиной, содрогавшейся в любовном экстазе, была она сама – давно это было, еще до рождения Мигеля. Женщина была нага и полна страсти. Еще не старая Сарита оседлала бедра мужа и стонала от наслаждения. Тела обоих вспотели от любовной борьбы и блестели. Старая женщина смотрела на них, глаза ее наполнились слезами. Она беззвучно произнесла имя мужа и улыбнулась, погрузившись в прошлое.

– Хосе Луис, – проговорила она, на этот раз вслух. – *Mi amor... Mi cariño*¹⁵.

Рядом с кроватью, на границе тусклого света свечи, молча стояла таинственная Лала – почти так же она перед этим появилась у дерева. Некоторое время она бесстрастно наблюдала за парой. Ей и в самом деле малоинтересно было то, что происходило у нее перед глазами, и она заговорила со старухой, сидевшей в углу, голосом экскурсовода, показывающего публике в ботаническом саду образчики общеизвестных видов растительного мира.

– У нее неплохое тело для женщины, которой стукнуло пятьдесят, – без всякого выражения заметила она.

– Сорок два, – поправила ее Сарита. – Но посмотри на него! Я уж и забыла...

Она вздохнула и отвела взгляд от зрелища, смотреть на которое становилось неловко.

– Он был еще совсем ребенок, – сказала Лала.

– Ему было уже далеко за двадцать, – защищаясь, ответила Сарита.

– А когда ты вышла за него?

– Ну, тогда ему было уже далеко за десять. Очень даже далеко за десять.

– А ты-то была зрелой женщиной, матерью девятерых детей. Девятерых!

– Он так в меня влюбился...

– Он влюбился в свое представление о тебе – и мы обе это знаем. – Лала глядела Сарите в глаза, не обращая внимания на парочку в постели. – Попал под чары. Куда было бедному парню деваться!

– Представления – это все, – тихо и задумчиво произнесла Сарита.

– Я рада, что ты с этим согласна.

Полных губ Лалы коснулась вкрадчивая улыбка. Она начинает задавать тон этой экскурсии, начавшейся так внезапно и подозрительно. Лала не любила участвовать в таких предприятиях. Представшее ей примитивное зрелище липкого зарождения жизни отвратительно, но без него не попасть в сновидение, которым она должна будет однажды завладеть и потом управлять.

Вдруг юноша вскрикнул на пике наслаждения, и в то же время раздался один, потом другой вопль его жены, выгнувшей спину и выбросившей руки вверх, к потолку.

– Что с тобой? – закричал он. – Что я сделал?

– Свет! Ты видел свет? Он появился ниоткуда и вонзился мне в живот! Я вся от него горю!

Сара, которой когда-то была Сарита, опустила руки и крепко сжала мужа в объятиях.

– *Mi amor*, что страшного в свете? – прошептал он.

– Меня коснулся Бог. У нас будет ребенок.

Громко рассмеявшись, Хосе Луис подхватил жену под ягодицы и бросил обратно в постель.

– Чтоб узнать об этом, не нужно небесного света.

– Да, у нас будет еще один, он будет...

– Тринадцатым? – опередил ее он, посмеиваясь.

---

¹⁵ Любовь моя... Дорогой мой (*исп.*).

Они уже успели увеличить Сарин выводок на троих сыновей.

– Вот именно! Он будет тринадцатым. Не смейся, тут действует Божественная сила! Тринадцать! – важно повторила она. – Хватит смеяться!

Сарита слушала, как разговаривают муж и жена, как поскрипывает кровать, и вспоминала.

– Да, так началась жизнь Мигеля, – сказала она едва слышно. – Но сколько всего произошло до того.

– Мы здесь, чтобы увидеть события жизни твоего сына, а не женщины по имени Сара, – холодно ответила ее спутница, с безучастным лицом смотревшая на супружескую пару в постели.

– Нечего нам тут глазеть! – сердито сказала Сарита, поднимаясь к единственному крошечному окошку, впускавшему прохладный воздух.

За стенами дома ночь баюкала мир в своих огромных объятиях. Черноту неба пронзали несколько разбросанных по нему звезд, в тишине два раза твкнула собака и тут же замолкла. Сарита прониклась чувством одиночества, навеянным этой тишиной. Хосе Луис любил ее дерзко, преданно и непрестанно. Ей так хотелось снова услышать звуки этой любви, почувствовать ее полноту. Она помнила, как щедро он любил ее, но вряд ли могла бы сказать, что отвечала ему тем же. Чаще она лишь снисходила к его самозабвенному чувству. Он уважал свою жену, был ей другом и помощником в трудах и воспитании детей, но кем была для него она?

Лала одобрительно кивнула:

– Правильно, отвернись. На то, что здесь происходит, неприятно смотреть, потому что оно противоречит знаниям. Нам нужно было вернуться к началу, а это вот, как я понимаю, и есть как бы начало. – Она с радостным блеском в глазах взглянула на Сариту. – Но я лично предпочитаю, чтобы начало было, например, вот таким!

Сарита обернулась и, к своему изумлению, обнаружила, что в комнатке больше нет ни кровати, ни свечи, ни двух любовников. Теперь это была кухня, залитая светом утреннего солнца. А вот она сама, опять много лет назад, стоит у печки, в которой потрескивают дрова. И, что удивительно, она не беременна. Когда же это было?

По радио играла музыка, молодая женщина готовила еду на день и напевала. За кухонной дверью, на маленьком дворике, кричали и смеялись дети. С улицы доносились гудки и шум автомобилей. Старая Сарита смотрела, открыв рот от удивления. У ног матери играл малыш. Он то сидя возился с солдатиками, на которых облупилась краска, то вставал, стараясь удержаться на ногах, и делал несколько шагов к печке. Его мать что-то громко крикнула в открытое окно другим детям и улыбнулась, с гордостью глядя на сына, который был еще почти совсем младенцем.

– Мальчик мой, солнышко, – тихо и нежно сказала она. – Какой ты умница! Такой сильный, красивый, умный!

Ободренный тоном ее голоса, ребенок сделал еще один шаг, потом еще один. В дом вбежал мальчик лет пяти или шести и, стянув со стола *тортилью*¹⁶, опрокинул стул.

– Эй! – крикнул он на бегу. – Обезьянка снова пошла!

Двор ответил взрывом веселья. Малыш узнал этот звук и засиял от восторга. Это были те же чудесные звуки смеха, что раздавались всякий раз, когда он вставал, падал или что-то невнятно лепетал. Всякий раз, когда его семья смеялась, смеялся и он. Он мог бы смеяться целую жизнь, и все было бы мало. Рассчитывая именно на такую награду, он нашел устойчивое положение, поднял крохотные ручонки и сделал еще два неверных шажка. Добрав-

---

¹⁶ *Тортилья* – тонкая лепешка из кукурузной или пшеничной муки, употребляемая в пищу главным образом в Мексике, странах Центральной Америки и США.

шись до матери, он уцепился за ее сильные ноги, перестав от радости дышать, и зарылся лицом в складки ее юбки.

– Молодчина какой! – воскликнула она, и из-за двери раздался хохот.

Она засмеялась, засмеялся малыш, и вся вселенная, ликуя, пустилась в пляс.

– Вот видишь! – сказала мать, поглаживая его по маленьким щекам. – Сильный, красивый и умный. Про это весь свет знает!

Глядя на эту сцену, Сарита сказала с нежностью:

– Да это дни, когда Мигелито только начинал ходить. Из младенца превращался в мальчика. – Она глубоко вздохнула. – Потом он научится проказничать, как и братья его, – им очень нравилось его изводить.

Она улыбнулась нахлынувшим воспоминаниям, и свет в комнате замигал. Лала преврала ее воспоминания:

– Хватит! Дорогая моя, мы тут не просто для того, чтобы посмотреть, как начинается банальная пора мальчишества. Слушай!

Они снова посмотрели в сторону матери и ребенка. Маленький Мигель протянул ручку к печи и отдернул ее, пораженный тем, что она, оказывается, обжигает. Он понял, что так делать опасно, и глаза его расширились от удивления.

– О нет! – услышал он окрик матери. – Нет! Нельзя!

Подняв взгляд на мать, мальчик повторил за ней:

– Незя!

Он серьезно постарался точно воспроизвести звуки:

– Незя!

Мать среагировала незамедлительно и театрально. Она схватила его на руки и выбежала из дому, криком извещая всех и каждого о том, что маленький гений произнес первое слово.

– Вот! Слышала? – оживившись, воскликнула спутница. – Вот где начало!

– Начало чего? – спросила Сарита. – «Да-нет»? «Горячо-холодно»? «*Mamá-papá*»? Начало слов, ты хочешь сказать?

– Сло́ва, с большой буквы, – почти благоговейно проговорила ее попутчица. – Видишь, как это происходит? Одно слово ведет к другому, затем еще к одному, и так ты выстраиваешь мир восприятия. – Она смотрела Сарите в глаза. – Это миг, когда начинаются знания и та вселенная, которую они создадут. Это, – задумчиво добавила она, – миг моего рождения.

«*Ее рождения?*» – подивилась про себя Сарита. Существо с другого дерева подчиняется законам рождения и смерти, как и все мы? На любом языке это всего лишь значит, что печка, которая топится, обжигает. Без слова «*нельзя*» в воспитании малыша не обойтись. Она с интересом смотрела на Лалу – та выглядела гордо. Кто она такая, чтоб гордиться чужим ребенком?

– Всегда помни, – нараспев произнесла рыжеволосая, садясь за стол. – Хочешь вернуть своего любимого сына – следуй словам.

– Чепуха! – пророкотал чей-то голос.

Обе женщины вздрогнули и подняли глаза. В дверях, не входя, замер в ярком солнечном свете пожилой мужчина. Он был невысок, но держался с достоинством, отчего казался гораздо выше своего роста. Седина была в нем единственной чертой утонченности. Он был худ, крепок и довольно красив в своем костюме кремового цвета давно ушедшей эпохи.

– *Papá!* – воскликнула Сарита.

– *Papá?* – удивленно повторил мужчина. – Могу ли я быть отцом сей достопочтенной *abuela*?¹⁷

---

¹⁷ Бабушка (*исп.*).

Он дотронулся до шляпы в знак приветствия.

– Это правда, я теперь и бабушка, и прабабушка, – сказала Сарита, идя ему навстречу, – а ты давно уже умер и лежишь на кладбище! Но все равно – какое счастье, что мы встретились!

Она обняла его и втощила в комнату.

– В какой это мир меня занесло, где моя дочь – прабабушка, а увядшие воспоминания вновь расцвели? – добродушно поинтересовался он.

Сарита не могла ответить на этот вопрос. Видя, что она растерялась, он решил прийти ей на помощь, подвел дочь к деревянному столу и сам сел рядом с ней.

– Кого мы нынче возвращаем?

– Младшенького моего. Ты ведь помнишь Мигеля, – ответила Сарита, накрыв его руку своей слабой рукой. – Он уходит от нас. У него был тяжелый сердечный приступ, в обычной семье он был бы уже приговорен.

– Если это правда, то вернут его не слова. Вернуть его может только непобедимая сила жизни.

Он бросил взгляд на того, кто был рядом с ней и теперь величественно восседал во главе стола. Подумав, что это какой-то господин, подобный ему, он почтительно кивнул, собираясь снова повернуться к Сарите. И вдруг резко обернулся. Нет, Сариту сопровождал человек, даже отдаленно не напоминавший его самого. Да это же женщина – красоты поразительной, глаза как горящие угли. Она улыбнулась ему, и глаза ее засветились еще ярче.

– Это Лала, – представила свою спутницу дочь.

– *La Diosa*, – поправила ее женщина.

Она знала, что у нее нет власти над мертвыми. Они не поддаются искушениям, для нее они недостижимы. Но вот с этим, как и с ними всеми, был однажды случай...

– Вы, как всегда, прекрасны, *señora*, – кланяясь, сказал дон Леонардо.

И тут до него стало доходить. Может быть, его дочь не вполне понимает природу того, что тут происходит? Пока ему это не станет ясно, он будет честно играть в эту игру.

– Дамы, вы начали с самого начала? – спросил он.

– Ну, – пожала плечами Сарита, – мы видели как бы начало. Начали-то мы раньше, чем Мигель родился, в общем, с зачатия, но зрелище нам показалось каким-то неприглядным.

– И ничего нам не говорящим, – добавила вторая женщина.

– Покажите мне! – попросил отец Сариты, и в тот же миг свет утреннего солнца погас.

Без предупреждения все трое оказались у той самой кровати в темной комнатке с крошечным оконцем, где смеялась и вздыхала парочка. Лала, удаляясь в самый темный угол комнаты, молвила:

– Если позволите, на этот раз я избавлю себя от созерцания этой пошлости.

– Дон Леонардо, мы уже видели это, – напрягшись, запротестовала его дочь.

– Серьезно? – сказал он, широко улыбаясь. – Вы правда это видели?

Нагая женщина сидела верхом на муже, наслаждаясь соитием. Вдруг в экстазе она вскрикнула, как в прошлый раз, вскинув руки и откинув назад голову.

– Вот оно. Видели? – спросил пожилой господин.

– Да, – сказала Сарита, отвернувшись и глядя в открытое оконце. – И я это почувствовала. Я хорошо помню это мгновение.

– И что?

– И... Меня обожгло светом, это Мигель пришел в наш мир.

В черном небе зажглась звезда, и Сарита потеряла мысль.

– Вот диво-то!.. – прошептала она, ухватившись за оконную раму и окунув лицо в прохладу ночного воздуха.

– Да! Твое тело это почувствовало. Послание было доставлено, и внутри тебя зародился человек. В который уже раз! Малыш Мигель выиграл гонку. Соревновались десятки миллионов сперматозоидов, а победил он!

– Что за неприличные шутки? Ты для этого здесь? У меня нет ни времени, ни...

– Мы свидетели того, как возникает душа!

Сарита невольно обернулась:

– Душа? Бедная, грешная душа?

– Отнюдь! Душа – это эпоксидный клей, на котором держится вселенная, это же элементарная физика, – провозгласил он. – Вы видите, как катаклизм деления двух клеток рождает новую вселенную!

Довольный собой, он остановился, чтобы перевести дыхание.

– Тело мальчика зарождается, – задумчиво проговорила Сарита.

– И из него вырастет мужчина. Душа об этом позаботится.

– А как же Бог?

– Да, – поддакнула из темноты Лала, – расскажите нам, что вы знаете о Боге.

– Все это и есть Бог, – ответил Леонардо, бросив взгляд в темный угол. Он выразительно показал на кровать. – Разве это не Бог действует?

– Нет, вы мне расскажите, – перебивая стоны двух любовников, повысила голос Лала. – Расскажите же о Боге.

– Сеньора, наша прогулка закончена. Мне нечего больше сказать о Боге. Я вижу Бога.

– Берем это воспоминание с собой? – спросила Сарита, которой не терпелось отправиться дальше.

Лала вспыхнула:

– Нет.

– Конечно берем! – сказал отец. – Пусть оно будет первым из множества таких событий – по ним можно узнать жизнь моего внука.

– А следующее какое? – не унималась Сарита, хватая сумку.

– У меня есть идея, – сказал Леонардо с вдохновенным блеском в глазах.

Под протестующий ропот Лалы комната закружилась, с каждым поворотом то освещаясь ярким светом, то погружаясь во тьму. Женский стон не умолкал, становясь все пронзительнее и настойчивее. Вдруг возникло другое помещение, освещенное лампами дневного света, с блестящими металлическими предметами.

– Больница? – пробормотала Сарита, прислонившись к мерцающей стене. – Мне бы присесть опять.

Отец подтащил ей железный стул. Стон прекратился. Они смотрели на представшее им зрелище. Сейчас она была свидетельницей не смерти своего сына, а его появления на свет.

– Почему такая тишина? – спросил Леонардо. – Что, уже? Он родился?

– Да, – вспомнила Сарита.

Разговоры в помещении затихли с последними потугами матери. Кое-кто лишь беспокойно перешептывался. Медсестра хлопотала над новорожденным, пытаясь заставить его начать дышать. Врач занимался Сарой, неподвижно лежавшей на кровати. Она была бледна как смерть и слишком вымотана, для того чтобы прислушиваться, издает ли ее младенец какие-либо звуки.

– Все думали, что мы оба умрем тем утром, – вспоминала старая женщина.

В операционной повисло ожидание несчастья. Матери нужна была неотложная помощь, и медсестру, державшую ребенка, позвали ассистировать. Она положила безжизненное тельце на металлический стол как жертвоприношение судьбе.

Лала заметила:

– Тут пахнет страхом. И очень сильным. – Она отошла от дальней стены и встала в центре, пригнувшись к точеному носиком. – Да, страх... Смешанный с кровью. – Она с отвращением попятилась.

– Что, не в вашем вкусе? – поддразнил ее старик.

Лала не обратила на него внимания и неодобрительно обвела взглядом комнату. Кровь была повсюду. Ею были запятнаны простыни, в ней были обессиленная мать и встревоженный врач. Ею был забрызган белый кафельный пол и испачкана металлическая поверхность, на которой лежало тело младенца, холодное и безмолвное. И здесь действительно пахло. Пахло медными рудниками и навозом. Пахло плодородием – чем-то таинственным, неразгаданным. Это был запах жизни.

– Не в моем, – согласилась она. – Я предпочитаю мой мир, в котором все имеет свое название, миру, где все сочится и корчится.

– Ваш мир – и не мир вовсе, моя дорогая.

– Это как раз тот мир, в котором когда-то жили вы, – только без всей этой мерзкой грязи.

Они враждебно смотрели друг на друга, тишина в комнате становилась напряженной.

– Отец, – не выдержала Сарита. – Еще раз я не вынесу этого ужаса! Он не дышит!

– Подожди, *hija*¹⁸, – сказал старик. – Вот так...

Дон Леонардо, открыв ладонь, протянул правую руку к бездыханному младенцу, тот пошевелился, и в нем явно началась какая-то борьба. Слабенькие легкие малыша расширились и сократились, всосав в себя воздух. При следующем вдохе тело его сотряслось, тишина была нарушена, и мальчик заявил о себе оглушительным воплем. Его мать вскрикнула сквозь полубоморок и, дернувшись в сторону сына, едва не свалилась с кровати. Медсестра уронила ящик с грязными полотенцами и взвизгнула от испуга.

– Да, пришлось ему потрудиться! – смеясь, сказал Леонардо. – И сегодня ему нелегко придется, дочь моя.

– Мы теряем драгоценное время, – сказала Лала тоном непререкаемого авторитета. – Разве не я во главе этой экспедиции?

– Конечно ты, – ответила ей Сарита.

Она подняла свою нейлоновую сумку, встала и направилась к этой женщине, стоявшей в центре помещения, а вокруг врачи и медсестры праздновали чудесное воскрешение матери и ребенка. У Сариты была миссия, а времени в обрез. Если таинственная спутница знает, что к чему, нужно ее слушаться.

Она кивнула отцу, и три призрачных гостя вышли из комнаты. Старушка шла впереди. Леонардо оглянулся на операционную, восхищаясь тем чудом, которое только что произошло в этом хаосе. Ему показалось, что у стены стоит кто-то знакомый, он хотел приглядеться, но его тут же вытолкнули за дверь. Шедшая за ним вплотную Лала тоже помедлила у выхода и обернулась.

Ей было хорошо видно, что в свете операционной лампы стоит Мигель Руис. Сейчас это был взрослый мужчина, и он сиял, хоть и был одет в больничный халат. Таким его в последний раз видела Сарита – человеком, которого инфаркт недавно вышвырнул из людской игры в пространство между двумя мирами. На его халате видны были пятнышки крови, брызнувшей при его собственном рождении. Это были меты человечности, к которой Лала питала такое отвращение. Она подозревала, что он пришел сюда, чтобы ощутить, как его ждут, чтобы вспомнить тот трепет бесстрашного дерзновения, который испытывает новорожденный, когда, резко вдохнув, с неистовым торжествующим воплем очертя голову бросается в человеческое видение. Он пришел посмотреть и поразмышлять.

---

¹⁸ Дочь (*исп.*).

Мигель и Лала молча встретились взглядами. Они узнали друг друга, каждый словно увидел себя в зеркале, но смотрели они друг на друга по-разному. Глаза Мигеля светились полнотой любви, без тени страха и сомнения. В ее же глазах затаилось подозрение и ожидание утраты.

В тот миг трудно было сказать, понимает ли кто-то из них, что можно быть вместе, смеяться, сладко отдаваться желанию. Трудно было представить, сколько разных ответвлений может быть у этого пути. Лала, похоже, была капризной, как любая женщина, и жаждала направить события сновидения по своему руслу. Слыша, что ее зовет Сарита, Лала подарила Мигелю лишь тень улыбки и исчезла. А он так и стоял в операционной. Дверь за гостями захлопнулась, и он позволил воображению бережно унести его в другое видение – из забытого времени, когда чувства были взаимными.

4

Мне становится спокойнее оттого, что сейчас я снова вижу Сариту с ее достопочтенным отцом, что они так живы в моей памяти. Когда я был маленьким, моя мать была единственной женщиной, которую я по-настоящему знал. У меня были старшие сестры, но они успели выйти замуж, и со мной рядом их не было. Я обожал свою мать и почитал ее выше всех других существ. Она была красивой, мудрой и чистой. Для меня она была пресвятой девой – ею же представляла в моем юном воображении каждая женщина, а созревая, я был готов считать таковыми и всех девочек.

Взрослея, я видел, как мои старшие братья встречаются со своими подругами, и завидовал их невозмутимости и умению обходиться с противоположным полом. Меня поражало, насколько они уверены в себе, казалось, они обладают особыми способностями и редким даром проникновения в сознание женщины, сам же я почти не надеялся достичь такого же успеха в любовных делах. Но ведь надежда – плутишка. Она питает жаждущие сердца иллюзиями, совсем как мой прадед Эсикио. Она соблазняет ум обещаниями, которые не может сдержать. Впрочем, моему успеху у женщин помогла не надежда, а действие.

Первый роман случился у меня в шесть лет, когда я вдруг взял и попросил хорошенькую одноклассницу быть моей подружкой. В ответ она лишь рассмеялась мне в лицо. Через несколько дней, когда она передумала, наступила моя очередь смеяться. Я отверг ее. Да, к тому времени я уже научился отвечать ударом на удар – это ведь общепринятый прием эмоционального выживания.

Казалось, целая жизнь прошла, прежде чем я осмелился снова попытаться счастья на ниве ухаживания. Но к моему двенадцатилетию мои братья сами уже достаточно пострадали и сочувствовали мне. Хайме, который был ближе всех ко мне по возрасту, подбивал меня совершить еще одну попытку. Однажды утром он провел со мной соответствующую беседу и объяснил, что уж одна-то обязательно будет моей, если у меня хватит смелости подойти к десяти-двенадцати девчонкам. Согласится, конечно, не та, о которой я мечтал, зато я снова обрету уверенность в себе. И вот как-то, набравшись храбрости благодаря брату, я предложил свою дружбу одной знакомой застенчивой девочке из нашей школы. Она не раздумывая приняла мое предложение. Я был ошеломлен. По пути из школы домой, не успев прийти в себя, я попросил о том же самом еще одну девочку. Она тоже сказала «да». К концу недели у меня было восемь подружек, но я не имел не малейшего представления о том, что делать хотя бы с одной из них. Все они, похоже, были счастливы тем, как все складывается, да и я тоже. Уверенность, едва успевшая пустить во мне корни, вскоре превратилась в знание дела. Даже Хайме был изумлен, правда остальных братьев это всего лишь позабавило. Они продолжали дразнить меня, но теперь к их шуткам примешивались мужская гордость и одобрение.

Я был обыкновенным подростком, но мало-помалу среди робких мальчишек и хихикающих девчонок, жаждущих романтических историй, стал чем-то вроде рок-звезды. Прошло совсем немного времени, и я стал любимчиком у девочек из старших классов. Мои сладкозвучные речи были как сок гуавы, и старшеклассницы заливались смехом и краской, млея от моих детских поцелуев. Я был забавный и остроумный, и они убеждали себя, что я не опасен, поскольку еще слишком мал. Секс – штука довольно простая, если только не помешает страх. Так в один блаженный миг удачи я счастливо потерял невинность. Никогда больше я не буду обделен любовью. Недолго пожив в нужде, я, кажется, становился миллиардером секса.

Рассказываю же я все это лишь для того, чтобы поговорить о том, что такое обольщение. Умение обольщать – очевидное и жизненно важное свойство всех живых существ. Оно

распространено не только в мире природы, но и во вселенной мысли. Бесстрашно высказанная идея заражает, с ней хочется согласиться. А если вам ласково что-нибудь предлагают, исчезает чувство опасности. Предложение запускает работу воображения, а воображение начинает создавать реальность. Если мы это ясно осознаем, то сможем увидеть, кто или что стоит за словами и предложениями, кто несет нам послание. Кем бы ни был этот вестник, он использует знания, чтобы получить доступ к видению. Начало может быть таким: «Что ты знаешь? Я тоже это знаю». Или же: «Что тебе нравится? Мне это тоже нравится». Получив приглашение, вестник может приступать к своей работе: изменять форму видения. Редко находятся вестники, прибегающие к обольщению ума во благо другому человеку. А случаи, когда вестник использует это умение на благо всего человечества, настолько редки, что такому вестнику люди начинают поклоняться.

Существо, которое моя мать встретила у древа познания, всегда было и остается умелым вестником. Оно движет и изменяет человеческую историю с тех пор, как эта история излагается. Я говорю о нем как о женщине не потому, что в нашем мире принято с каким-то недоверием относиться к познавательным способностям женщины. Просто я очень рано осознал, что рожден, как и большинство мужчин, чтобы любить и лелеять женщин. Однажды вкусив любви, я уже не мог без нее обходиться. В юности я так же страстно увлекся познанием. Знания пленили меня, как умная женщина, обладающая удивительной властью. Думаю, я много лет был околдован, одержим, пока вдруг не увидел истинную природу знаний, – и тогда я употребил все, что было мне дано свыше, чтобы рассеять эти чары. Мне захотелось спасти знания, привести в них осознанность, жить с ними, как с женщиной, в мире. И я воспользовался своим природным даром – даром романтической любви. Я стал смотреть на знания как на женщину, которой превыше всего хочется, чтобы ее узнали и услышали, и начал слушать, давая излиться ее неистовству. Признав, что она нуждается в том, чтобы ее любили, прикасались к ней, чувствовали ее вкус, я тем самым мог преобразить ее.

Став шаманом, я наконец понял, что мой дед дон Леонардо больше всего хотел, чтобы именно это откровение посетило меня. Мне наконец стали понятны его слова, в которых всегда была недоговоренность и никогда не было притворства. В отличие от иных мудрых слов, они не были украшены прельщающим кружевом лукавства. Такое лукавство заложено в самой природе знаний и делает их искусным вестником, только не вестником истины. Мой дед услышал голос знаний, звучащий в его голове, и заставил его замолчать. И в этой тишине ему наконец открылось, что такое жизнь. В этой тишине он нашел себя. Ту мудрость, которой он делился со мной, он обрел, обольстив искусительницу. Знания заставляют людей думать и вести себя определенным образом. Власть знаний начинается с наших первых попыток заговорить. Затем, когда мы овладеваем языком, они начинают жить в нашем мышлении. Они становятся голосом, к которому мы прислушиваемся больше всего, источником информации, которому мы больше всего доверяем. Знания набирают силу с каждым нашим новым убеждением независимо от того, как такое убеждение влияет на человека.

Мы справляемся со смертью тогда, когда главное действующее лицо нашей истории способно посмотреть на все с точки зрения жизни, а не только знаний. Каждый из нас – главный герой истории своей жизни, и он боится чего-то не знать, боится, что не узнают его. Смерть – самая большая угроза знаниям, поэтому в человеческом видении она так нас пугает. Для отдельного человека смерть означает уничтожение физического тела и прекращение мышления. Но со смертью жизнь в целом не прекращается и человечество не исчезает.

Когда знания служат нашим страхам, разумное может казаться дьявольщиной, а дьявольское разумным. И все-таки знания, это сильнейшее из проявлений сатанинской магии в человечестве, могут быть и его спасителем. Каждый из нас сам должен распознать знания как голос, звучащий в собственной голове, – голос, которому мы привыкли верить и подчиняться. И каждый сам должен укротить этот голос так, чтобы он перестал быть тираном.

Ибо, усваивая знания, мы сами становимся знаниями. Мы превращаемся в тирана, искусствителя, сеющего страх где только можно. Спасая знания, мы спасаем самих себя.

* * *

– Кажется, меня ждут в другом месте, – сказал дон Леонардо, расхаживая по небольшой классной комнате между рядами парт и рассеянно посматривая на первоклассников, строчивших в тетрадах прописи.

– Мне нужно, чтоб ты был рядом, – тихо напомнила ему Сарита, сидевшая за одной из парт, едва втиснувшись между скамьей и столом и наблюдая за учительницей, которая вела урок.

– Тсс! Слушайте преподавательницу, – проворчала их спутница. Ее рыжие волосы были уложены в высокую прическу по моде тех дней. – Она рассказывает кое-что важное.

При этом Лала смотрела на молоденькую учительницу с неодобрением.

– Что же это она так убого выглядит? – обратилась она к своим спутникам. – Учитель – важнейшая из профессий, а она подходит к ней без всякого вкуса! Почему не на каблуках? И не красится. Учеба должна возбуждать интерес, не так ли?

– Смотря как возбуждать; если так, как я подумал, то не должна, – сказал старик, поправляя галстук и разглядывая учительницу, одетую в кофту и простую юбку. – Если представить, что она скинула одежду, тогда...

– *Papá*, здесь же дети!

– Недалеко от животных ушел, – с презрительной улыбкой пробормотала рыжеволосая.

– Хватит! – прикрикнула на них Сарита. – Хоть мы тут и с первоклашками, но мы же не дети, в конце концов! – Она обвела взглядом комнату. – Где же Мигель, шестилетка?

– Вон он, у окна, витает в облаках, – откликнулась Лала. – Но дело не в нем. Внимайте музыке знаний, этой песенке о силе и возможностях.

– Поздравляю вас с первым днем вашей учебы, – с сияющим лицом пропела учительница. – Меня зовут сеньорита Трухильо. Я понимаю, что вы волнуетесь. Кому-то из вас, может быть, страшновато, кто-то в восторге, но все вы собрались здесь – так же, как когда-то ваши родители, братья и сестры, – чтобы научиться тому, что значит быть человеком в нашей великой стране.

– Быть человеком?.. – прошептал Леонардо.

– Ну, они ведь недалеко от животных ушли, – повторила рыжеволосая.

– И я надеюсь, что все вы будете усердно учиться, – продолжала сеньорита Трухильо. – Если очень хорошо постараетесь, то достигнете совершенства, а это – то, к чему все мы стремимся.

Леонардо, не сходя с места, поворачивался на каблуках, чтобы обозреть двадцать маленьких мальчиков и девочек.

– Да разве они и так не совершенны? – воскликнул он и сделал рукой жест, как бы заключая в объятия все эти совершенные детские головы. – Что несовершенного может быть в этих ангелах?

– Они же ничему еще не научились! – возразила Лала. – Думать почти совсем не умеют, не способны ничего оценить. Они с трудом строят предположения, а святые верования легко пролетают мимо их ушей.

– С каких это пор ты церковницей стала?

– С религией я всегда дружила, – высокомерно заявила Лала, – и всецело поддерживаю неумолимый суд Божий.

– Аминь, – подытожила Сарита, перекрестившись. Она считала правильным соглашаться с любыми утверждениями, если они произнесены набожно. Не успела она поцело-

вать свой большой палец, как свет утреннего солнца погас. Она обнаружила, что сидит на скамье в сумрачной часовне, где висит дым.

– Мы что, в церкви? – растерянно спросила она.

– Боже! – воскликнул дон Леонардо. – Вы зашли слишком далеко, сеньора!

Лала свирепо посмотрела на него, глаза ее горели.

Сарита переводила удивленный взгляд с одного на другого.

– Что это вы оба вытворяете? – Она разглядывала церковные скамьи. – Это место никаким боком не касается моего сына или его воспоминаний.

– Как раз касается, – ответила ей Лала, обрадовавшись поводу отвлечься от дон Леонардо.

Тут они увидели священника – он шел в сторону алтаря. Не заметив их, он прошел к первой скамье, где тихо сидела Сара, молодая жена и мать. Рядом, бесшумно перебегая от скамьи к скамье, играли в салки ее четыре сына.

– Ах, вот! – воскликнула Сарита. – Это я с моими мальчиками!

– Помнишь? – спросила ее спутница. – Как добрый священник предрек тебе, что твой тринадцатый ребенок будет менять мир к лучшему?

– Помню, помню. Он сказал тогда, что Мигель будет важным вестником.

– Это было до того, как он объявил его грешником, или уже после? – вмешался Леонардо.

Рыжеволосая не обратила на него внимания и наклонилась к Сарите поближе.

– А ведь вестник – это не кто иной, как слуга знаний.

– Чтобы стать великим вестником, нужно быть настоящим человеком, – твердо сказал дон Леонардо.

Лала снова бросила на него сердитый взгляд, но Сарита ударилась в воспоминания и завладела их вниманием.

– Помню то время, когда он подросток и почувствовал свою силу, – говорила она. – Я-то уже про нее знала. Ему тогда десять лет исполнилось; здесь, в классе, он меньше. Как-то раз я говорила с ним про жадность и себялюбие, про то, как мы сами себе плохо делаем, когда других не уважаем. Когда я закончила говорить, он так серьезно на меня посмотрел – точно мышка испуганная. «Мам, а я эгоист?» – спросил он меня. Что мне оставалось – только рассмеяться. Я поддразнила его и сказала: «Ну да, мой хороший. Ты эгоист, а мать твоя такая вот прямо благородная». Не подумав, я пошутила, конечно, да он и внимания не обратил. Задумался сильно – видно, правду от скрытой лжи отделить хотел.

Дон Леонардо сел рядом с ней и взял ее за руку, надеясь, что поможет ей все вспомнить.

– Он мне улыбнулся, – продолжала Сарита. – Ласково так улыбнулся, понимающе, заботливо. Мне захотелось обнять его, защитить, но по этой вот улыбке его я поняла – не надо. По ней понятно мне стало – вырос он и сам правду ухватить уже может маленькими своими ручонками. Если и есть в нем себялюбие, он найдет средство с ним справиться. Мне вспомнилось тогда то, что я и так всегда знала, без священника с его премудростью: что людям однажды очень нужно станет, чтоб Мигель поговорил с ними, глазами встретился, рукой прикоснулся, улыбка его, что так покоряет, нужна будет. По тому, как он мне в тот особенный день улыбнулся, мне стало ясно – он от меня отдаляется. Мы как будто тонкой нитью связаны были друг с дружкой – и это стало уходить.

– Девочка моя, вы и тогда крепко были связаны, и сейчас эта нить не слабее, – заверил ее отец.

Лала раздраженно отвернулась, ей хотелось, чтобы священник поговорил с молодой Сарой, поведал ей что-нибудь о превосходстве ума вместо этого вздора про эмоциональную связь. А иначе зачем нужно было именно это воспоминание? Только для того, чтобы напомнить о силе слов.

– Дело в том... – снова попыталась было она донести свою мысль до отца и дочери.
– Сеньора, она знает, в чем дело, – перебил ее Леонардо.
– Моя любовь вернет его, – тихо сказала Сарита. – Нить между нами – а ее не разорвать – сейчас нужно беречь. Его наследство нужно...

Лала ухватилась за слово:

– Его наследие – в умах каждого, кого он коснулся! Он – это память. Он – мысль, и слова его эхом отдаются сквозь века.

Дон Леонардо слушал, как голос Лалы возносится к высокому куполу часовни, и не стал ничего говорить. Прежде чем встать, он в знак поддержки сжал руку Сариты. Это ее задача, а не его – не поддаваться голосу, который старается завоевать ее разум.

– А мне ведь и правда нужно быть в другом месте, – едва внятно, но так, чтобы его услышали, произнес старик. – Счастливо вам, дамы, – улыбаясь, сказал он, – до следующего раза!

Он прикоснулся к шляпе и пошел по проходу между скамьями к свету, который манил его из-за дверей часовни.

– *Papá!*

Но его уже не было.

Сарита в замешательстве оглянулась.

– И что теперь? Мне нужна его помощь.

– Тебе нужна я, – сказала ее спутница. – Мы ведь это уже уяснили. Мы проследуем по тому же пути эзотерического знания, по которому шел твой сын. Пойдем за самыми его выдающимися мыслями – и таким образом...

– Мысль – это знание, так говорил Мигель, – перебила ее Сарита. – А еще он говорил, что память – это тоже знание. – Она посмотрела на Лалу: освещенная сотней церковных свечей, та была так красива, так уверена в себе. – И что религия – это знание, так тоже мой сын говорил.

– И посмотри, как это чудесно! – откликнулась Лала, показывая на часовню, которая была теперь заполнена коленопреклоненными верующими; у многих из них на глазах были слезы.

– И ни в том, ни в другом, ни в третьем истины нет – так тоже мой сын говорил.

– Твой сын скоро будет с тобой, так что сам сможет сказать, что он думает. Пойдем, мать, нам предстоит увидеть тот самый день, когда по его словам стало ясно, что ему суждено вести за собой людей.

Сарита поднялась, еще раз перекрестилась и последовала за красавицей в нежное облако ладана.

* * *

Дон Леонардо наконец оказался там, где должен был быть. Он смотрел, как один из его внуков, красивый юноша двадцати лет, идет по дорожке к его дому. Это был не самый младший его внук, но младший сын Сары – уже от одного этого Леонардо улыбался. Он любил дочь и всегда видел в ней что-то исключительное. Она могла бы погрязнуть в рутине повседневного человеческого существования и старых обычаев, но ей удалось сохранить ту силу влияния, которой обладала только она. Скоро эту силу признала вся ее родня и округа.

Этот мальчик тоже был не такой, как другие. Леонардо знал это, но пока не мог сказать почему. У Сары все сыновья были смышленные, способные, устремленные к успеху. Он вспомнил утро, когда родился Мигель, и задумался – уж не там ли разгадка его особых способностей? Но слишком уж большое значение придавалось таким семейным историям, благоприятным знакам и тому, как сошлись звезды. Разгадка – в каждом мгновении настоящего,

таким, например, как это. В тот миг, когда Леонардо смотрел, как его внук идет домой, он все понял. Увидел, какая походка у юноши, как уверенно он держится, как светятся его глаза. Да, глаза говорят о многом. И улыбка. Какая улыбка! Она как будто приглашает мир поиграть. «Войди в мое видение, – говорит она, – тут будет весело!»

Конечно, этот парень особенный. Пора Леонардо определить, можно ли эту особенность воплотить во что-то исключительное. Пора парню попрощаться с сонным теплым уютom своих убеждений и вдохнуть ледяной воздух осознанности.

Дон Леонардо сошел с крыльца и раскрыл свои объятия Мигелю, последнему из тринадцати детей Сариты.

* * *

Я помню тот чудесный осенний день в мой первый год учебы в университете, когда я спешил в гости к дедушке. Сердце мое в тот день пылало любовью, а в голове роилось множество новых идей. Деду было за девяносто, и он был в нашей семье старейшиной. Его уважали все, кто его знал, и я ужасно гордился, что у меня такой дедушка. Гордость меня распирала и оттого, что можно взять и пойти к нему, поговорить, показать, как много я знаю. Мне хотелось произвести на него впечатление: такой юный, а уже столько мудрости, такой пронизательный ум!

С тех пор я понял, что не нужно выражать благодарность большому мастеру демонстрацией своих знаний. Все, что угодно, только не это. Если вы успели хоть что-нибудь уразуметь, то будете просто молчать. Ведь он потому и мастер, что знания не впечатляют его. А вы – ученик, потому что на вас они производят впечатление! За мою шаманскую жизнь я не смог бы сосчитать, сколько раз и какими способами мои ученики пытались впечатлить меня, – точно так же, как я старался пустить пыль в глаза дону Леонардо в тот осенний день. Сколь многие из них обещали стать настоящими мудрецами, но не оправдали надежд, потому что, вместо этого, решили поразить меня фактами, мнениями, ссылками на философов. Они как бы говорили: «Как мне удивить тебя? Что я знаю такого, о чем даже ты еще не задумывался? Гляди же на меня! Слушай меня! Дай-ка я тебя чему-нибудь научу!» Так для чего мы садимся у ног учителя – чтобы насладиться своей важностью или чтобы послушать и поучиться?

В тот день я пришел к дону Леонардо точно не затем, чтобы слушать. Я начал говорить, как только мы сели во дворе, и мне было не остановиться. Я поведал ему обо всех наших студенческих политических кружках, обо всем, что успел узнать про политику и государство, о несправедливости и человеческих страданиях. Мною владели праведный гнев и чувство нравственного негодования. Я бичевал человечество за все его многочисленные пороки – и именно тогда дед, до сих пор улыбавшийся, тихонько засмеялся. В том, что я говорил, не было ничего смешного, – значит, он просто насмехается надо мной, решил я. Насмехается надо мной! Он что, уже так постарел, что не способен понять мою логику во всем ее блеске? Разве ему не видно, что я научился проникать в самую суть явлений? Во мне зашевелилась обида, и я замолчал.

– Мигель, – мягко сказал он с участливой улыбкой, – все, чему ты выучился в школе, и все, что, как тебе кажется, ты понял про жизнь, – это всего лишь знания. Но это не *истина*.

Он что, не понимает, что я уже мужчина? Он разговаривал со мной как с ребенком. Его слова разозлили меня, и кровь бросилась мне в лицо.

– Не обижайся, дитя мое, – продолжал он. – Эту ошибку совершают все. Люди верят разным мнениям и толкам, строят из них целый мир и принимают то, что сами же соорудили, за мир настоящий. Они не знают, правда ли то, во что они верят. Они даже не знают, правда ли то, что они думают *о самих себе*. Знаешь ли ты, что истинно или кто ты?

– Да, я знаю, кто я! – твердо сказал я. – Как могу я не знать самого себя? Я живу с самим собой с самого рождения!

– *M'ijo*, ты не знаешь, кто ты, – спокойно сказал дед, – то, что ты знаешь, – это не ты. Ты так давно привык к тому, кем не являешься, что считаешь это собой. Верить в образ себя, который сложился из чего угодно, что не есть истина.

Я не знал, что еще сказать. Я ждал, что меня похвалят или уж хотя бы поспорят с моей точкой зрения. Было бы здорово потягаться интеллектом с моим дедушкой. Мне казалось, что у меня хватит знаний, чтобы переспорить мастера. И вот, вместо этого, он нанес сокрушительный удар моему «я». Несколькими безжалостными фразами мой дед уничтожил все, что я считал Мигелем. Сомнению было подвергнуто все, что я знал о мире.

Сомнение! Нет ничего важнее сомнения в пору, когда мы сносим здание, построенное нашим интеллектом. Мы выучиваем слова, верим в их значение и живем с этими убеждениями, пока наш домик устойчив и крепок. Сомнение – это удар, который разрушает его, когда приходит время. Сомнение может заставить развалиться целую крепость, возведенную из убеждений, и такой удар необходим, если мы хотим увидеть что-либо, кроме наших личных иллюзий. Необходимо землетрясение. Я посмотрел на деда, и он улыбнулся мне, как будто мы только что обсудили секрет, сулящий нам удачу. Да заметил ли он вообще, как пошатнулось мое чувство собственного достоинства?

– Я знаю, кто я, и знаю... что есть что, – запинаясь, проговорил я. Мне хотелось дерзко возразить ему, как будто это могло спасти меня от смущения. – И о мире, в котором я живу, я много чего знаю, и знаю, что добро должно всегда бороться со злом.

– Ну да! – оживившись, сказал он. – Добро против зла, конечно! Эта борьба раздрает человечество с незапамятных времен! А видишь ли ты эту борьбу у кого-нибудь еще во вселенной? Бьются ли добро и зло в лесах и садах? Может быть, деревья обеспокоены пороками мира? Или животные? Рыбы? Птицы? Терзается ли кто-то из земных созданий вопросами добра и зла?

– Конечно нет.

– Конечно нет? Тогда где происходит эта борьба?

Он что, мне голову морочит? Решил выставить меня дураком?

– Внутри человеческого рода, – неуверенно предположил я.

– Внутри человеческого разума!

– Ну да... Но нет ничего возвышеннее, чем ум человека, – театрально добавил я. – Если бы животные...

– Если бы животные умели думать, то точно так же озаботились бы существованием зла, как мы? Надеюсь, их избежит сия участь!

Мы оба рассмеялись и какое-то время молчали.

– Мигель, – обратился он ко мне, почувствовав, что я уже не так защищаюсь, – борьба, о которой ты говоришь, существует только в уме человека, а на самом-то деле это не хорошее и плохое борются друг с другом, а правда с ложью. Когда мы верим в правду, мы чувствуем себя хорошо и в жизни у нас все хорошо. А если мы верим в неправду, в то, что разжигает в нас страх и ненависть, то становимся фанатиками. И тогда появляется то, что люди называют злом, – злые слова, злые намерения, злые действия. Все насилие и все страдания в мире – оттого, что мы постоянно лжем самим себе.

Мне вдруг вспомнились слова великого философа: *«Людей мучают не сами вещи, а представления, которые они создали себе о них»*¹⁹. У кого я прочел это, чьи это слова? Кажется, он был немец. Нет, француз.

---

¹⁹ Цитата из «Опытов» Мишеля Монтеня: «Людей, как гласит одно древнегреческое изречение, мучают не самые вещи, а представления, которые они создали себе о них». Монтень имеет в виду «Руководство» Эпиктета, 5. Это изречение было

– Не нужно, Мигель, – строго сказал дон Леонардо, прерывая мои раскопки в памяти. – Пожалуйста, прекрати это, – теперь уже терпеливо сказал он. – Великие мысли нужно использовать в жизни, а не копить в картотеке. Знания нужны, чтобы нести послание жизни. Сами по себе они – совсем не послание. Если отдать им бразды правления, они сведут нас с ума.

Я чувствовал, что он прав, и, чуть помедлив, сказал ему об этом. Он откинулся на спинку садового кресла и долго смотрел на меня, что-то обдумывая. Я решил, что наш разговор окончен и, раз я с ним согласился, могу быть свободен. Можно схватить на кухне *эмпа-наду*²⁰, попрощаться и ехать обратно в город, туда, где ценят остроту моего ума и языка.

– Мигель, – сказал он с таким серьезным выражением лица, что мне стало ясно: никуда я не уйду. – Я вижу: ты из кожи вон лезешь, чтобы произвести на меня впечатление, доказать мне, что ты достаточно хорош, и я тебя понимаю. Тебе это нужно, потому что ты сам себе еще не доказал, что достаточно хорош.

У меня слезы навернулись на глаза. Я понял, что зря терял время – все мои старания выглядеть уверенным оказались напрасными. Всеми своими рассуждениями и разглагольствованиями я лишь пытался спрятать страх показаться недостаточно умным и находчивым. Дон Леонардо видел больше, чем я, и знал обо мне больше, чем мне самому хотелось бы знать. Я отвернулся, не в силах справиться с правдой, глядевшей на меня из его пронзительных глаз. Я отвернулся, но остался. Остался, чтобы слушать.

Он многое мне рассказал в тот день, но на то, чтобы все понять, у меня ушла целая жизнь. Больше всего на свете каждый из нас хочет найти истину, а ее невозможно изъяснить словами. Как все, как всё, истина – это тайна, притворяющаяся ответом. Буквы, которые я учил в школе, указывают на откровения, которые, в свою очередь, указывают на тайну. Истина существовала до появления слов, до возникновения человечества и известной нам Вселенной. Истина будет существовать всегда, а язык был создан, чтобы служить ей. Слова – это инструменты нашего искусства, которые помогают нам рисовать образы истины на полотне разума. Но что мы собой представляем как художники? Какими художниками мы хотим быть и готовы ли мы, ради того чтобы стать ими, отказаться от вздора, в который верим?

Мой дед сказал мне, что самая большая моя сила – это вера. И от меня зависит, смогу ли я разумно воспользоваться этой силой. Мир полон людей, жаждущих посвятить свою веру каким-то идеям, убеждениям, чьим-либо взглядам. Дед настаивал на том, чтобы я вложил свою веру не в знания, а в себя. Тогда я еще не понимал, что тот разговор между нами стал началом пути, с которого я уже никогда не сойду. С того дня и донныне мне всегда хотелось во всем разобраться. Мне хотелось понять себя и выяснить, как же так получилось, что я поверил лжи. Искать ответы – в моей природе. Пытаться найти истину – в природе каждого, и мы страстно ищем ее везде, повсюду, но только не в самих себе.

С того дня моей целью стала только истина, но все, на что я мог опереться в начале, были воспоминания, основанные на случайных образах и историях, а они отнюдь не приближали меня к правде. Но то было только начало. Как быстро все изменилось для меня! Как щедро истина, когда мы готовы почувствовать ее, принять и быть благодарными!

В эту долгую ночь, которую ткнут сновидения, Сарита, моя отважная мать, вступила на похожий путь, ведомая теми же воспоминаниями, и голос знаний настойчиво шепчет ей в ухо. Себе на беду, она найдет притворщика – облеченное в плоть и кровь подобие ее младшего сына, уже нашедшего истину и радостно растворившегося в ее чудесах.

начертано среди других греческих изречений на потолке библиотеки Монтеня.

²⁰ *Эмпанада* – пирожок с начинкой.

5

Сарита устала слушать. В университетском городке выступило уже с пятнадцать студентов-активистов. Мигель говорил предпоследним, и на него, конечно, стоило посмотреть: он умел сплотить публику, зажечь ее. Но пришла усталость, и непонятно было, как все это поможет вернуть его. Сарита сняла тапку и стала легонько растирать распухшую ногу. Она знает, ночь будет долгой, но не вечно же ей длиться. Внуки ее уже спят, а их родители продолжают при свете свечей бить в барабаны и все смотрят, как мать Сарита пребывает в трансе, совершая свое странное путешествие. Им тоже приходится нелегко.

– Я знаю, Лала, в колледже он был мастер произносить речи, – заметила она своей проводнице, – но это был не такой уж особенный день в его жизни... Да и самому ему он вряд ли очень запомнился.

Сарита беспокойно ерзала на месте, ей было неловко в этой толпе: вдруг вспомнилось то, о чем она уже давно не вспоминала, – как они избежали смерти в ту ночь в Тлателолько²¹. Вот это уж точно запомнилось всем, подумала она. Мигель и его братья учились тогда в Национальном университете Мехико, и в ту неделю уехали домой, поэтому, к счастью, их не было в районе Тлателолько, когда военные открыли огонь по тысячам студентов и случайных свидетелей во время мирной демонстрации против политики правительства. Бойня продолжалась до поздней ночи, погибло много близких друзей и преподавателей ее сына. Да, нельзя забыть этих юношей, убитых в самом расцвете молодых сил, так и не осуществивших возложенных на них надежд. И как не быть благодарными за жизнь тех, кому удалось избежать гибели в этом кровавом месиве. То был не единственный случай, когда смерть отпихнула ее сына. Нет, он и смерть еще много раз посмотрят друг другу в лицо и осторожно, по-приятельски разойдутся.

– Конечно, он был еще совсем молод, – согласилась с ней Лала, – но ты ведь видишь, как убедительно он умел говорить, хотя и был еще всего лишь медиком-первокурсником. Он был хорошим оратором. У него была харизма. Как мы видим, он объединял своих университетских товарищей. Имея такую силу влияния на людей, он мог бы играть важную роль в стране.

Сарита кивнула, вспомнив, как ретиво обхаживали ее сына в те дни государственные чиновники. Его брат Карлос предостерег его, что политика может быть очень опасной, и Мигель быстро понял – погружение в это занятие может стоить ему личной свободы.

– Мне надо снова найти дона Леонардо, – вздохнула старая женщина, массируя другую ногу. – Уж он-то знает, что для наших поисков нужно.

– Полагаю, мужчины друг друга лучше знают, – пробурчала рыжеволосая. – Наверняка все наблюдает, как парочки любовью занимаются.

– Не время опять смотреть на это! – воскликнула Сарита.

Ох уж эти молодые – мнят о себе невесть что из-за своих любовных подвигов, как будто они сами придумали этот процесс. Она представила себе Мигеля, каким он был в ту пору – молодым, всегда влюбленным. Она вспомнила Марию, его жену, и их чудных сыновей. Конечно, любовная близость так много дает: и телу улада, а потом радость отцовства и материнства. Ничто нас не волнует больше, чем женитьба, чем рождение... чем смерть.

Держа в руке тапку, Сарита подняла голову.

– Смерть... – бледнея, произнесла она.

---

²¹ 2 октября 1968 г. мексиканские войска открыли огонь по студентам и другим протестующим на площади Трех Культур в районе Тлателолько города Мехико. Это случилось за десять дней до начала XIX летних Олимпийских игр в Мехико.

Отвернувшись от парка, от людей, она увидела то, чего до этого мгновения не замечала. Вдали, сидя за рулем старого драндулета, медленно петляя сквозь толпу студентов, как будто разыскивая кого-то, ехал молодой человек.

– Мемин, – прошептала она, в голове у нее помутилось от воспоминания о другом сыне, и она упала без чувств.

* * *

– Сарита, – тихо позвал Мигель. – *Madre*, ты здесь? Сарита?

Из глубин видения Сарита почувствовала его присутствие. Глаза ее были закрыты, а ум несясь сквозь миры. Она постаралась успокоить его, не говоря ни слова. Наверное, он сидит сейчас на своем дереве, а за ним сияет Земля. Верно, смеется над ней – безумие продолжается. Ей не вернуть сына против его воли, но и бросить свои попытки она не может. Слишком много она уже для этого сделала, столь многих задействовала. Ее пронзила нестерпимая боль, которую чувствует мать, когда вот-вот может потерять второе свое любимое дитя. Она знала: Мигель рядом, он на нее смотрит. Он одновременно присутствовал и отсутствовал, как и сама она. Она чувствовала, что он близко, что он внимает ей, – но, боже, как ей хотелось снова прижать его к себе! Она все так же беззвучно пошевелила губами, но слова каким-то образом обрели форму и были услышаны.

– Я здесь, дитя мое, – прошептала она куда-то в неведомое. – Я с тобой, в тебе, и я не отрекусь от того, что задумала. Пусть я старуха, но у меня еще есть силы. Хоть я и немощная, я пересилю твое упрямство. И храбрость твоя не помешает мне победить.

Сарите страстно захотелось хоть на миг увидеть лицо сына, почувствовать прикосновение его руки к своей. И она ощутила его близость: казалось, он ответил на это ее желание, и ей стало легче.

А ведь так было не всегда, подумала она, уходя в пучину видения. Было время, когда любая разлука казалась им мучением. Волшебное время началось, как только мать и сын впервые узнали себя в глазах друг друга, и казалось, что этому не будет конца. С первых же мгновений их связала сила большая, чем любовь. Да, эта сила превосходила любовь. Слово «любовь» запятнано: что только им не называют и какие только себялюбивые хотения не прикрывают им! Когда-то это был восхитительный дар, но со временем он утратил свою чистоту. Постепенно обозначение любви укрепило свою власть над человеческим сердцем – так львица вцепляется в свою добычу. Связь между ними действительно была сильнее любви – и намного сильнее страха, который зачастую бежит по пятам за любовью, как шакал.

С самого рождения сына она ему пела, и с того мгновения они были одним целым. Сейчас, когда Сарита боролась за то, чтобы их связь не прервалась, ей вспомнилось, как она прижимала к себе голенького младенца в кровавых следах его путешествия из утробы. Аромат матери успокоил его, он дышал в такт ее сердцу. Его личико упиралось в ее мокрую грудь, а язычок пытался извлечь влагу из соска. Эти ощущения омыли ее покоем. Она отдалась первобытной тишине, любясь его невинными глазками. Кончиками пальцев она водила по закруглениям его крошечного лба и щек, по мягким изгибам ручек и ножек. Она ласкала его гладкую, почти как у земноводного, плоть и дивилась его нежному теплу.

– Да, – грезя, вслух прошептала она. – Я плакала от счастья, когда наконец увидела ребенка, которого вызвала на свет по своему желанию и носила в себе как тайну. Ты родился, мое золото, – и прошла вся моя боль, все мои тревоги. С того мгновения мы были счастливы в объятиях друг друга, мы ни на минуту не сомневались, что счастье это продлится всю жизнь.

Но сомнение, конечно, пришло. Оно пришло позже и не раз навевалось затем – и связь, поначалу такая прочная, стала рваться. Сомнение пришло в тот день, когда погиб Мемин. Он был ее первенцем, ее сокровищем, героем маленьких братьев. Тот страшный

день был первым в череде других страшных дней, которые навсегда изменили Сариту и ее младшего сына. И Мигель увидел человечество таким, какое оно есть.

* * *

– *Qué pues?*²² – воскликнул дон Леонардо. – Что ты сделала с моей дочерью?

Университетский городок исчез. Сарита, почти без чувств, лежала на траве среди кладбищенских деревьев – к груди прижата сумка, босую ногу обжигает солнце. Она слышала звуки, но не понимала, откуда они.

Она мешкала на границе снов, а где-то рядом съезжались машины. У изящного вяза собирались люди, все в черном. Они обменивались негромкими приветствиями, у некоторых на глазах были слезы – им предстояло прощание с близким человеком.

Лала, которая, по-видимому, не сознавала, что происходит вокруг, – стояла на коленях рядом с Саритой, глядя ее по седым волосам и сжимая ее руку.

– Я ничего не делала, – отрывисто сказала она.

В голосе ее слышалась тревога. Лалу охватил непривычный страх: а вдруг Сарита уже настолько выбилась из сил, что не сможет продолжить свой путь. Этого нельзя допустить. Нельзя позволить Мигелю умереть. Им всем важно, чтобы он остался жив, но мало кто знал, насколько он нужен Лале.

– Что ж, ладно, – ответил старик, – но почему она тут в обмороке лежит, как оглушенный орел, которому крылья оборвали?

Он только что догнал дочь и ругал себя за то, что оставил ее. Он боялся, что в его отсутствие ее решимость могла ослабнуть.

Лала подняла взгляд на прибавляющуюся траурную толпу.

– Где мы? Что тут происходит?

– Похороны старшего сына Сары, Мемина.

– А младший? Он где сейчас?

– Вон там. В этом воспоминании он стоит рядом с матерью.

Лала поискала взглядом в толпе и увидела его: одиннадцатилетний мальчик стоял возле матери и заглядывал ей в лицо, а она рыдала без удержу. Подошли другие родственники и стали утешать ее, она отвернулась от сына и упала в объятия мужа. Потеряв родителей из виду в этой толкотне, Мигель потихоньку, незаметно отошел в сторону и стал наблюдать за происходящим, стоя в тени вяза, среди застывших в скорбном молчании старших братьев.

– Вот это плохо, – сказал его дедушка, стоя на своем посту рядом с Саритой. – Ребята предоставлены самим себе. Конечно, они уже почти взрослые, кроме Мигеля, но ведь для них это тоже большое несчастье. Нам, видите ли, нужно погоревать – и мы совсем забываем про невинных, неискушенных подростков.

– Не такие уж они неискушенные, – возразила рыжеволосая, в беспокойстве потирая запястье Сарите. – Они уже знают содержание этой пьесы из репертуара человеческого театра. Ничего, выдержат – облачатся в нужные костюмы, вызубрят текст и продекламируют на публику в зале, как это делают все остальные. По правде говоря, это и восхищает меня в человечестве. Актеры, которые всегда наготове.

Дон Леонардо удивленно посмотрел на нее.

– Актеры?

– А вы посмотрите, – сказала она. – Вы же любитель понаблюдать.

Они повернулись в сторону людей, приехавших на похороны. Теперь все – мужчины, женщины, маленькие дети и растерянные подростки – тесным кругом столпились вокруг

---

²² Что такое? (исп.)

могилы. В самой середине стояла Сара, убитая горем мать. Слышно было, как произносит свою речь священник, которого было едва видно из-за толпы. Вскоре его слова перестали доноситься – над могилой поднялся плач, он наводил печаль и вселял тревогу, заглушая собой все другие звуки. Вначале раздались тихие горестные причитания одной женщины, но вскоре звучал уже целый их хор, все громче и громче, заполняя все вокруг потоком скорби, превращаясь в гимн тысячи матерей, лишившихся своего ребенка. Сквозь повторяющуюся мелодию рыданий пробивался звучный гул утешающих и успокаивающих мужских голосов. Звуки наугад, кругами возносились к небу, достигали наивысшей точки и обрушивались на землю. Так они взмывали и низвергались, кружась, закручиваясь в спираль, лавиной возвращаясь вниз. Сквозь неистовство плача донесся крик священника – теперь можно было попрощаться с покойным, оставив ему цветы, записочки, четки. Оплакивающие приступили к прощальному ритуалу, и рыдания стали постепенно затихать. Громкие стенания переходили в едва слышные всхлипывания. Наконец нестройная разноголосица улеглась, и наступила поскрипывающая тишина – так музыкальный шедевр смолкает в последних звуковых дорожках старой грампластинки. Похороны закончились, и толпа группками стала расходиться по травянистому склону холма, направляясь к своим машинам.

Все это удивительное действие маленький Мигель так и простоял у вяза. Братья, бывшие с ним вначале, потом присоединились к толпе родственников у могилы, а он остался один, смотрел и слушал. Дон Леонардо не сводил глаз с мальчика, он следовал за причудливыми образами и картинами, пронесшимися в уме внука. Ребенок наблюдал за этой драмой – мощным выплеском чувств, происходившим у него на глазах, – но не подпал под ее чары. Разделяя это видение с мальчиком, Леонардо успокаивался и погружался в воспоминания, на губах его заиграла лукавая улыбка, она мелькнула на его лице и спряталась в мудрых глазах.

* * *

Смерть моего старшего брата раздавила горем меня и всю нашу семью. Ему было девятнадцать, а он уже был мужем и отцом. Разумеется, для большинства взрослых, и особенно для матери, он оставался ребенком. Его смерть застигла нас врасплох – так бывает всегда, когда умирают совсем юные. Но молодые люди заигрывают со смертью, как пылкие любовники. Мемин любил лихую безрассудную езду. В девятнадцать лет юноши – боги: мы бессмертны, потому что мы так решили. Что нам до тех, кто из-за нас ночами не спит и жизни своей не пощадил бы ради нас! И все же в девятнадцать лет Мемин уже был главой собственной семьи. Его молодая жена была беременна их вторым ребенком. Он стремительно превращался во взрослого мужчину и успел принять на себя серьезную ответственность. Но ему не суждено было дожить до зрелого возраста – он погиб за рулем своего автомобиля, мчась на огромной скорости. Его маленькая семья тоже была в машине, но, к счастью, они остались живы. Можно сказать, что он продолжил жить в своих детях, но тот отважный ослепительный свет, которым был Мемин, погас навсегда.

Когда мне самому исполнилось девятнадцать, я тоже был очень самонадеян и никого не слушал, я был слишком полон жизни, чтобы обращать внимание на близость смерти. В те шальные годы я много кутил и бражничал, испытывая судьбу, пока в веселом угаре не врзался в бетонную стену. Я продолжал бы играть с опасностью до рокового исхода, как мой старший брат, если бы что-то не спасло меня. Но что-то меня спасло, и я остался жить, чтобы стать немного мудрее. Я жил, чтобы обрести мудрость, которую жизнь обещает каждому ребенку.

В детстве эта мудрость жила во мне, пока я не утратил ее подростком, когда во всю мощь заиграли гормоны. Когда мне было одиннадцать, я все еще был глубок. Может быть,

я даже был мудр. У меня были свои мечты и свои герои. Как и для остальных моих братьев, Мемин был для меня героем действия. Он ведь и правда постоянно действовал: двигался, куда-то бежал, мчался на автомобиле, смеялся. Он строил планы, ставил цели, ухаживал за девушками, и нам казалось, что нет силы, способной помешать ему, что бы он ни задумал. Разве он не обгонял время, не опережал судьбу, не побеждал сомнения? Разве он не был самым крутым парнем из всех, кого мы знали? Пройдет много времени после его смерти, прежде чем мы поймем, что Мемину – брату, герою боевика – никогда больше не блистать среди нас.

Как это ни странно, самым его долговечным подарком мне, младшему брату, занимавшему столь малое место в его жизни, оказались его похороны. В тот день мой детский ум приблизился к некоей мудрости. Я стоял среди своей родни, и мне казалось, что у меня две семьи: одна жила, растворившись в сцене из очередного *маминого телесериала*, где каждое действующее лицо, исполняемое актерами разной степени одаренности, сеет хаос в своей собственной жизни и в жизни других. В другой моей семье обменивались впечатлениями, говорили друг другу о своих чувствах, поддерживали друг друга. Иногда эта вторая семья как бы и не существовала вовсе, но потом вдруг оказывалась рядом, жила со мной. Она становилась моей матерью, отцом, братьями, она разговаривала со мной сквозь треск слов, бездумно произносимых ими.

Возможно, в тот день со мной была еще и третья семья, – может быть, я чувствовал не совсем исчезнувший след присутствия моих предков. Старики умерли – и в то же время не умерли, и все они были мудрее меня. Какой бы ни была моя связь с ними, я чувствовал, что в то утро, когда мы хоронили Мемину, со мной кто-то был. Предки загадочным образом сопровождали меня весь день, даже когда мы ушли с кладбища и пришли домой – и горькие слезы родных почему-то вдруг сменились смехом.

Да, так и было. Как будто кто-то переключил канал на нашем крошечном черно-белом телевизоре – все, как по волшебству, повеселели, как только открылась парадная дверь и женщины толпой вошли в дом и принялись выставлять на стол тарелки с едой. Я вдруг стал зрителем другого представления. В нем женщины делились друг с другом последними слухами, дети играли, а мужчины, выпив по несколько кружек пива, по очереди рассказывали смешные случаи из жизни моего погибшего брата.

Я увидел, как люди произвольно надевают на себя, а потом снимают выражение лица – по сигналу, намеку, следуя примеру друг друга. Вот кто-то горюет, но достаточно кому-то сказать что-нибудь ободряющее, как в следующее же мгновение скорбная маска слетает и человек уже улыбается и шутит. Никто не хотел вести себя иначе, чем другие, все обменивались похожими репликами, брови вскидывались, а губы шевелились в ответ чужим словам. А на столах стояла еда, и все в тот день хорошо поели, но я впервые увидел, как никто не хочет упустить ни кусочка на фуршете чувств, предложенном жизнью.

И все шло не так уж хорошо. Каждый раз, откусывая *бискочито*²³, люди принимали двойную дозу яда – упивались злословием, осуждали кого-то, передавали слухи. Добрая женщина почему-то произносила о ком-то недобрые слова. Взрослый мужчина, который только что, казалось, нашел полное взаимопонимание с собеседником, вдруг лез в драку всего лишь из-за одного слова. Для конфликта достаточно было какого-то слова, или взгляда, или пожатия плеч. И я учился вести себя так же, не понимая, что успел стать мастером в этом деле. В одиннадцать лет я уже вполне поднаторел в искусстве такого общения. Все происходило автоматически, но, наблюдая в тот день других, я был потрясен до глубины души – так бывает, когда внезапно что-то осознаешь.

---

²³ *Бискочито* – рассыпчатое печенье.

Казалось, чувства людей питали собой что-то невидимое мне. Они беспрепятственно проходили сквозь тело каждого человека, вызывая болезнь и безумие, – но почему? В печали, гнев, радости нет ничего плохого. Я вспомнил время, когда был совсем маленьким: тогда чувства пролетали сквозь меня, как речные феи, – они касались меня, изменяли меня и исчезали, не ранив. Но эти люди были изранены – чем, я не знал, – и их боль никуда не ушла. Странно было, что кто-то должен горевать только потому, что этого требует особый день. А немного спустя все они уже весело галдят потому только, что часы показывают три? А к вечеру они что, будут в ужасе, а перед сном – почувствуют разочарование? Невозможно было разумом объяснить драматические перепады их чувств – разве что кто-то или что-то кормилось их силой.

Спустя некоторое время я кое-что понял. Слушая и наблюдая, я заметил, что люди распалялись и даже злобствовались, когда их захватывала чья-либо история. Они могли что-то услышать, или сказать, или подумать, но история начинала управлять ими, меняла их, превращала их в охотников, жаждавших какой-то особой крови. Разумные, чувствующие человеческие существа становились созданиями, жадно пожиравшими человеческие же чувства.

Люди справляли в нашем маленьком доме поминки, а я попробовал поиграть с выбранными наугад чувствами, улавливая их кончиками пальцев. Не говоря никому ни слова, я переключался с одного настроения на другое, менял фокус внимания. Сидя на полу, я следовал за тонким потоком проявлявшихся то тут, то там эмоциональных энергий, пытаюсь понять, что происходит. Вот кто-то рассмеялся, потом всплакнул. Вот кто-то кого-то утешает, потом повисает тишина. Поток замирает, опять движется, набирает скорость. Он сам себя поправляет, преобразует – и вот уже настроение снова изменилось. И никто не замечал маленького мальчика, который сидел с закрытыми глазами и, осторожно пошевеливая пальцами приподнятых рук, видел то, что видеть невозможно. Лицо его выражало любопытство, но оставалось безмятежным.

* * *

– Посмотри на него. Что это он делает? – спросила Сарита, сидевшая на одном из стульев с высокой спинкой в доме, где она когда-то жила с мужем и детьми.

Занятно было увидеть себя: вот она, уже пожилая, восседает на своем обычном месте во главе стола, поглядывая на миски с сальсой и блюда с курицей. Прихлебывая травяной чай из чашки, она чувствовала, как к ней возвращаются силы.

Такие дни, когда дом заполняла многочисленная родня, которая толпилась и на крыльце, и на улице, были привычны, как старые туфли. Для нее и теперь не было ничего лучше, чем принимать родных у себя дома – стряпать, есть, потчевать друг друга разными байками. С крыльца донесся смех Хосе Луиса, и у нее отлегло от сердца. Чудесные годы они прожили вместе: старшие дочери уже вышли замуж и растили собственных детей, родились первые внуки. Так бы и жить-поживать в этом домике – до несчастного случая так ей казалось. Но после него все стало не таким благополучным и надежным.

– Я вижу, что он делает, – ответил дон Леонардо, – но не понимаю, зачем он это делает.

Он снова принялся за галеты, лежавшие на подносе с десертом.

– Да все ты понимаешь, – сказала она, показывая на мальчика, который так и сидел на ковре в гостиной. – Мы же с тобой этим постоянно занимаемся. Он наблюдает за потоком жизни в этой комнате, за всеми его ручьями и течениями.

– Он ведет себя ненормально, вот что я тебе скажу. Может быть, тогда, раньше, это и было уместно, но не сейчас.

– Тот день был далеко не нормальный.

Сарита огляделась, растроганная тем, что рядом так много дорогих, родных людей. Тут были племянницы и племянники, дети и внуки – большинство из них уже постарели, многие ушли в мир иной. Она была последней из своего поколения и единственной, кто помнил старые времена, и все же, надо признаться, многих она узнавала с трудом. Неужели и она изменилась так же сильно, как они?

В дальнем конце комнаты на тахте сидел старик, держа на коленях тарелку. Он был тщательно одет в национальный мексиканский костюм, состоявший из расклешенных черных брюк и куртки с обрезанным низом, которые были усыпаны серебряными ракушками. Под курткой была блуза с оборками, которая когда-то, наверное, была белой, но теперь выцвела до отдающей плесенью желтизны. Рядом с ним на кушетке лежало большое, грязное от старости сомбреро с завязавшимися в узлы запачканными кисточками. Кожа старика напоминала иссушенную солнцем шкуру бизона, но глаза его глядели ясно и озорно.

– Да это же... – начала она и запнулась. – Неужели это дон Эсикио?

Дон Леонардо скользнул по ней взглядом, исполненным невинности и чистоты, и направился к бочонку с холодным пивом, ожидавшему его на крыльце. Пробормотав что-то себе под нос, Сарита встала из-за стола и медленно, осторожно, все еще неуверенно держась на ногах, прошла через комнату. Приблизившись к одетому в кожу старику, она встала над ним, глядя, как он уплетает угощение и тихонько мычит от удовольствия.

– Дедушка, – резко обратилась она к нему. – А ты здесь какими судьбами?

Он поднял к ней удивленное морщинистое лицо и расплылся в узнающей улыбке.

– Сара! Ну и постарела же ты! – воскликнул он, проглатывая фасоль, которой успел набрать полный рот. – Для меня честь откликнуться на зов моего сына – он совсем запутался. В общем, ему нужен мой совет, мой опыт.

– Тебя позвал мой отец? А ты не знаешь зачем?

– Вопрос жизни и смерти – вот что мне было сказано, – радостно объяснил он, отдирая от куриной косточки последний мясистый кусок. – И потом, он обещал, что будут женщины.

– Вопрос жизни и... смерти, – тихо произнесла Сарита. – Мы на похоронах моего старшего мальчика, Мемина. Это было так давно. Но мы здесь, чтоб спасти моего младшего. Может, ты и не помнишь его.

– Как же! Конечно помню! – сказал он, промокая губы салфеткой в пятнах. – Мигель Анхель! Потому-то у меня нет сомнений: женщины непременно будут. – Он поискал взглядом в толпе. – Который из них он?

– Он там, на полу. Ему совсем недавно стукнуло одиннадцать.

– Одиннадцать? Всего лишь? Вон оно что, – обескураженно сказал он, едва взглянув на мальчика. – Тогда придется подождать годик-другой, пока не наступит пора уступчивых девочек, восторгов и наслаждений. Ну не беда, у меня время есть.

И он снова занялся курицей с фасолью, ненадолго отвлекшись лишь на проходившую мимо женщину – рыжеволосую красавицу с глазами такими же глубокими и голубыми, как карстовые озера его родного края. Он взглянул на нее один раз, потом другой, пытаясь вспомнить, где видел ее. Нет, он никогда ее не видел, но не мог отделаться от чувства, что где-то они встречались. Ну ведь точно встречались.

Сарита оставила его, не понимая, какой от него может быть прок в их миссии. Но предок есть предок, так что возражать не приходится. Правда, этого воспоминания с нее уже хватит. Ей хотелось, чтобы оно поскорее закончилось. Повторение сделало лишь еще тяжелее этот скорбный день, который она тогда едва пережила. Она пробиралась на кухню в поисках рыжеволосой. Нужно было поговорить с ней. Времени оставалось немного, а места в сумке Сариты еще меньше.

В спешке Сарита не заметила Лалу, которая толкалась среди людей, обдумывая свой следующий шаг, и крутилась возле ребенка, в одиночестве сидевшего на полу. Рыжеволосая

уже заметила старушку и, хоть и вздохнула с облегчением, снова увидев ее в добром здравии, но докучливые вопросы Сариты надоели ей, поэтому она затерялась среди родственников и соседей, набившихся в гостиную. Ей здесь нравилось. Ей нравилось, когда люди собирались покурить, поговорить и пустить дальше вирус. Любой вирус преобразует среду. Любой вирус воздействует на работу организма, но этот вид вируса меняет человеческое видение. Это вирус, рождаемый словами, зажигающий мысль и распалюющий жар в теле человека. Это знание, то, без чего не может существовать ее мир. Она улыбнулась: как хорошо, что она живет в этом мире – мире, построенном из слогов и звуков и прочно скрепленном строительным раствором убеждений.

Ее мир выглядит и ощущается так же, как физическая Вселенная, хотя некоторые называют его отражением. Ее символ – это тоже дерево, подобное древу жизни, огромное, красивое, глубоко укорененное. Корни жизни простираются в бесконечность, а ее ветви дышат вечным светом, в то время как корни Лалы пьют из родника человеческих историй, а ветви приносят потом его плоды. Без нее нет мысли, нет реальности, размышляла она. Без нее лишь звери рыскают по дикому полю.

Она чувствовала в комнате присутствие живого Мигеля, хотя и не видела его. Он был не там, где сидел маленький мальчик, самостоятельно учившийся отслеживать силы человеческого чувства. Но Мигель был близко, он наблюдал и ждал подходящего момента, когда можно будет показаться. Если он здесь, то он наблюдает за этим ребенком, думала она. В памяти его оживают картины, и он любезно складывает их в сумку матери. Она знала: он покидает этот мир и не хочет в него возвращаться. Но ему придется вернуться. Придется, потому что Сарита не отступится. Он вернется, потому что хорошему ученику надлежит чтить учителя, если уж он не хочет уважить мать.

Лала прилегла на ковер рядом с одиннадцатилетним мальчиком, которым когда-то был Мигель, и посмотрела ему в лицо. Ах, это лицо! И глаза, прячущие в своей черноте ослепительный свет. Это были глаза мужчины, которым он однажды станет, мужчины, перед которым ей по-прежнему не устоять.

– Знаешь, как ты всегда был мне нужен? – прошептала она мальчику. – Ты видишь наше прошлое и будущее, любовь моя? Видишь, как мы будем танцевать с тобой в тысяче новых поколений?

Лицо мальчика не изменило своего выражения. Его черные глаза сосредоточились на том, чего больше никто из присутствующих не замечал. Вернее, никто, кроме нее. Лала вздохнула, откинула голову на ковер и закрыла глаза. Ей вспомнилось, как она впервые пришла к нему – уже не в видениях и мыслях, а в самом что ни на есть настоящем женском теле и мысля как женщина. Она дождалась, пока ему не наскучит, не приестся одна и та же безвкусная пища. Дождалась, когда он будет готов принять такое знание, которое доводит мужчин до помешательства. Только тогда она взяла его за руку и повела вспять, в древнее видение тольтеков.

Лала, как и все, была поражена, когда Мигель бросил медицинскую практику и покинул тишь своего кабинета. Ее обеспокоило то, что он вернулся к Сарите, чтобы учиться ее ремеслу, – ведь это была колдунья, как бы она сама себя ни именovala. За годы учебы у Сариты у него развилось внутреннее чутье, и он перестал бояться собственной силы. Он уходил из-под власти Лалы. Она хотела, чтобы он понял: людей связывают слова, и только слова, а действиями людей повелевают идеи. Она считала, что обязана помочь ему довести искусство рассказывания историй до уровня гениальности, и постаралась выполнить эту задачу.

Ага. Теперь она знала, где будет их следующая остановка, и удовлетворенно улыбнулась. Нужно забирать старуху и снова отправляться в путь, чтобы стать свидетелями первой встречи Мигеля с женщиной, вдохновившей его на рассказывание историй. Во время

встречи с ней ему было страшно: он узнал ту, что являлась ему ночами во сне. Больше всего на свете в тот день ему хотелось сбежать от нее, но он остался. Остался – и влюбился. Именно туда они сейчас и отправятся.

Она открыла глаза и увидела, что мальчик смотрит на нее в упор.

– Никогда еще не танцевал с девчонкой, но скоро, наверно, попробую.

Он огляделся, потом снова встретился с ней взглядом. Он оценивал ее, что-то почувствовал, и в лицо ему бросилась краска.

– Да, скоро, – прошептала она.

Однажды этот едва оперившийся ученик с невинными и нежными глазами станет мастером. Пора уже ей направить видение в нужное ей русло. Так она сможет управлять рекой памяти. Нет ничего неизбежного, уверяла она себя, и этот танец еще далеко не закончен.

* * *

Дон Эсикио уписывал уже третью порцию, занимавшую всю тарелку, когда на тахту к нему подсел Мигель Руис, тоже с тарелкой в руке. В своем больничном халате он выглядел здесь совсем нелепо. Но его привлекло это время и это место. На посыпанной гравием дорожке его родные старшие братья разговаривали с братьями двоюродными. Любопытно было бы снова увидеть их детьми, но зато здесь, в битком набитой гостиной, он видел ребенком самого себя. Он улыбнулся, глядя на мальчишку, который сидел на полу совсем один, и вспомнил то странное ощущение шока, который он испытал, впервые став свидетелем человеческой драмы. В детстве он завидовал взрослым – не только их знаниям, но и тому, в какое зрелище они превращали эту драму. Мир взрослых казался ему мыльной оперой в сумасшедшем доме, и ему хотелось найти способ исцелить этот мир от безумия. Всю свою жизнь он искал выход и в сорок девять лет, похоже, начал достигать в этом некоторых успехов.

Он увидел, что Лала разлеглась рядом с мальчиком, смотрит на него и мимоходом старается повлиять на его мысли. Хочет охмурить его каким-нибудь рассказом, откровением?

Когда человек что-то чувствует интуитивно, всегда возникает соблазн облечь ощущения в какую-нибудь историю, начать думать... Вот мальчик сидит, просто следует за осязаемыми линиями жизни – тут-то она и попотчует его какой-нибудь историей про жизнь. Она будет описывать ее по-новому, не так, как он слышал от других, самолюбию мальчика эти рассказы будут приятны. Пройдет еще много лет, прежде чем Мигель, уже взрослый, поймет, чего на самом деле стоят ее истории.

Наконец Мигель отвел взгляд от ребенка и воткнул вилку во вкусную гору на тарелке. Двое мужчин сидели бок о бок, молча наслаждаясь домашней едой. Непохоже было, чтобы они узнали друг друга. Посмотрев в окно, Мигель увидел дону Леонардо, в одиночестве стоявшего на улице. На его костюме кремового цвета ложился розовый отсвет вечернего неба. Его дед похож был на высокородного ангела, терпеливо ждущего, не раскроет ли ему это мгновение какую-нибудь новую тайну.

Расправившись с третьей порцией, дон Эсикио наконец посмотрел на сидевшего рядом с ним человека.

– Добрый день, сударь, – величественно поздоровался он. – Вы, я вижу, тоже проголодались.

– Ммм, да. Несколько недель не ел, – с набитым ртом ответил Мигель.

– А я – несколько десятилетий. Кажется, ничего вкуснее в жизни не пробовал!

Эсикио в восторге хлопнул себя узловатой рукой по бедру и поднял в воздух целое облако пыли. Пыль быстро увлекло в открытую кем-то дверь, но освобожденное простран-

ство тут же присвоили себе клубы сигарного дыма. Эсикио помолчал, обозревая комнату, снова повернулся к Мигелю и устремил на него пристальный взгляд.

– С кем имею честь?

– Я ваш правнук, правда на самом деле меня здесь нет, – ответил Мигель. – Как, собственно, и вас, сударь.

– Ах вот что! – воскликнул старик. – Это так, мой дорогой *compadre*²⁴, но кто из всех людей, живших на планете, когда-либо был здесь по-настоящему?

– Ваша правда, – улыбаясь сказал Мигель, и они опять некоторое время посидели молча, наблюдая за входящими и выходящими и прислушиваясь к мелодичному гулу голов.

– Да, брат твой прожил недолго. Значит, ты пришел его помянуть.

Мигель учтиво покачал головой.

– Это воспоминание не для меня, а для моей матери. Я здесь поддержку оказываю.

– Поддержку, милый мой, оказываешь и кое-что показываешь, – сострил Эсикио, глядя на голые ноги Мигеля. – Можно полюбопытствовать, сударь, у тебя что, с одеждой плохо?

– Да нет, все хорошо, – ответил Мигель, запахивая халат поверх колен и промокая салфеткой пятнышко крови. – Я сейчас в коме – какой смысл одеваться?

– Понял, – сказал престарелый господин. – Ну, ты не бойся. Если ты все-таки умрешь, тебя неплохо принарядят. Посмотри на меня. – Он вскинул тощие руки. – Я свой уход эффектно оформил, согласен?

Он подхватил сомбреро и, напялив его на свой череп, всклубил еще одно облако пыли.

– Весьма впечатляет, – сказал Мигель.

Он снова оглядел комнату. Воспоминания об этом дне скоро закончатся, но рассказанные истории никуда не исчезнут, они будут передаваться из поколения в поколение, подумал он. Сквозь толпу родственников он увидел, что мальчик остался один. Где же Лала?

– Вон сколько детей – и все обязаны своим произрастанием плодородной почве моих чресл, – заметил старик, толкая Мигеля в бок костлявым локтем, и, подмигнув, добавил: – Я для человечества достаточно потрудился, *verdad*?²⁵ А кто этот малыш?

– Это я, – ответил Мигель, отводя свою тарелку подальше от локтя старика. – Для меня это был важный день. Очень важный.

– Что? Ах да... важный, – согласился его прадед, и каждая морщинка его выдавшего виды лица подтверждала: уж он-то понимает, о чем идет речь. – Знаменательный день.

Он надолго замолчал, слегка сдвинув брови, как будто обдумывая над шахматной доской следующий ход. Человеческая жизнь состоит из тысяч незабываемых мгновений, но лишь немногие из них можно назвать важными. Они оба знали: важные воспоминания – лучший материал для нового, просветленного видения. Дон Эсикио смотрел на правнука с восхищением.

– Ты играешь в увлекательную игру, мой мальчик.

Мигель промолчал.

Народ расходился, в комнате стало тихо. Дневной свет уступил место сумеркам. Призрачный мир вокруг потускнел. Плут Эсикио поднял старческую руку и потерев мочку уха. Сновидец Мигель поставил пустую тарелку и глянул на прадеда с нескрываемой любовью. Глаза их встретились: они понимали друг друга. Старик начал было говорить, но, передумав, поджал тонкие губы. Потом почесал скрюченным пальцем седую щетину на подбородке. Размышляя, он слегка наклонил голову набок. Он не знал, как попал сюда. Не знал он и почему вообще что-либо происходит – в жизни человека или за пределами его бурного

---

²⁴ Друг, приятель (*исп.*).

²⁵ Верно ведь? (*исп.*)

существования. Как бы там ни было, над мертвыми знания не властны. Он свободен от их запретов и разрешений. Он не знает закона, он гражданин страны, где мятеж не влечет за собой наказания. Эсикио придвинулся к сидевшему рядом с ним человеку, в глазах которого сверкал такой же, как у него, упрямый озорной огонек, и дружески положил руку ему на плечо.

– Можешь не сомневаться, сударь, – сказал дон Эсикио, хитро подмигнув Мигелю. – Отныне я с тобой.

6

Несколько строк о слове «важный». Пока я временно отсутствовал в этом мире, мать Сарита, разумеется, не могла – с проводником или без него – не погрузиться в воспоминания, которые большинство людей считают по-настоящему значительными: о рождении, смерти, свадьбах, драматических днях несчастий и торжеств. С того самого мгновения, когда у меня случился инфаркт, она знала, что нужно делать. Мой брат Хайме помог ей собрать семью, руководил всеми ритуалами и поддерживал намерение, которое позволило ей выйти за пределы своего видения и войти в видение сына, находившегося при смерти. Она помнила имена своих помощников, слова, которые необходимо произнести, и молитвы, которые нужно прочитать. Она перестала цепляться за известное ради того, чтобы найти меня на моем пути в непознанное. Теперь по совету появившейся у нее спутницы она ищет памятные события жизни, прожитой не ею.

Но *памятные* события совсем не то же самое, что события *важные*. Да, хорошо вспомнить рождение ребенка, смерть другого, первое выговоренное слово, страстный поцелуй, большое горе. В то же время в этот отчетливый узор событий вплетено множество неброских нитей, ведущих к постижению истины, – беспорядочных стежков, меняющих взгляд человека на самого себя и его представление о мире. Иными словами, в этот узор вплетены мгновения, преобразующие человека. Они куда важнее, чем окончание института или свадебное торжество: эти-то события наступают в свой черед и в свое время, а результат их вполне ожидаем. Но в те мгновения, когда жизнь захватывает вас врасплох – не важно, настигло ли вас внезапное потрясение, или ваша мысль вдруг начинает работать чуть под другим углом, – меняется все. Непредсказуемые происшествия поворачивают ход событий в неожиданную сторону, и нам кажется, что так не должно быть, ведь из-за них нам приходится сойти с той дороги, которую мы распланировали, проложили и даже посыпали гравием, и двинуться в путь, о конечном пункте которого мы можем только догадываться. Стоит немного измениться ракурсу – и правил больше нет: мы движемся в сторону тайны, у нас исчезла цель. Что-то заставляет нас действовать, но мы не в состоянии привести ни единого веского довода в пользу своих действий.

Я пережил много таких мгновений, и мне повезло с семьей, которую несколько не смущало чье-либо чужаковатое поведение, но невозможно описать словами то, что меняет человека, тончайшие события не поддаются объяснению. Моим отцу и матери, при всей их огромной мудрости, не дано было видеть видение их младшего сына или проследить его неуловимый путь к истине. Они могли дать совет, не судить – и отпустить. Благодаря их терпению и сдержанности я научился ценить умение сдаваться. Поддерживаемый их любовью, я нашел в себе силы идти на риск и развить осознанность так, что она вышла за пределы знаний. С каждым новым откровением моя жизнь становилась все более спонтанной и все менее предсказуемой. Каждое намерение превращалось в действие силы. Когда случился инфаркт, я знал, что, возможно, никогда больше не смогу распоряжаться этой силой, и в очередной раз сдался.

Вы можете сказать, что, пока я лежу без сознания на больничной койке, у меня было время подумать, стоит ли возвращаться к жизни. Тем, кто дожидается меня, оставив в сторону собственную жизнь, это время, должно быть, кажется целой вечностью. Прошло уже почти девять недель, но врачи так и не обещают ничего утешительного. Мои близкие каждый день дежурят в больнице – не находят себе места, жалеют о прошлом, плачут. Они молятся, просят. Борются с судьбой, потом сдаются ей. А некоторые без удержу смеются.

Да, некоторые пустились в этот путь вместе со мной, потому и смеются. Они не понимают – да и зачем понимать? – но чувствуют, что я взволнован, что меня охватила бурная

радость. Они чувствуют ту свободу, что я ощущаю, пока тело мое спит, а мозг видит сны. То, что они знают, не позволяет им надеяться, что я выживу, но они все равно смеются. Радость помогла им продержаться эти долгие недели – мы веселились вместе. Не описать словами, как тяжело моему бедному телу, борющемуся за жизнь, когда сердце отказывает, а легкие наполняются жидкостью, зато как здорово смотреть этот сон! Я – тот, кем был испокон веков, тот, кем был и всегда будет каждый. Я – сама жизнь, и я понимаю: природа моя вечна, какое мне дело до физических ограничений! Мой собственный образ, которым я довольствовался почти пятьдесят лет, исчез, а образ оставшегося – он совсем иной. Он относится не к личности, а к бесконечности.

Это образ чистого потенциала жизни – не столько картина, сколько ощущение. Мой ум спит, а значит ничего не выбирает и никого не судит, и я ощущаю возможности жизни, проходящие сквозь меня, как океанское течение, как воздух, колеблемый крылом кондора. Я всегда был самой жизнью и понимал, что един со Вселенной, хоть материя и держала меня. Освободившись от видения человечества, я могу направить свое внимание куда угодно, как это делает жизнь, в моем распоряжении безграничные возможности.

Вернуться – значит снова прийти в мир, где есть последствия, и для меня они неминуемы. Мое сердце изношено, мое тело все эти недели ослабевало, и это не пройдет бесследно: я буду с трудом двигаться, мне будет все время больно. Хуже того, я вернусь невинным младенцем, не готовым к суровой грубости человеческого видения: я увижу тьму в умах тех, кого любил, там, где раньше видел только сияние возможностей. Почти забыв Мигеля, я вернусь в мир, где другие слишком хорошо его помнят. Все будут считать, что знают его, предугадывать, что ему нужно, – все, кроме меня. У каждого будет о нем своя история, а для меня их истории будут совершенно разными. Да, если я вернусь, я должен буду пережить все эти последствия. Человечество будет пугать меня, приводить в замешательство – по крайней мере, первое время. Мне нужно будет заново учиться ходить, говорить, понимать. Я, как в детстве, буду жаждать душевного здоровья, но столкнусь все с тем же безумием. Смертный и слабый, я снова буду тосковать по бесконечному. Да, если я вернусь, последствий мне не избежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.